
Иван КАТКОВ

МАНЬЯК

Повесть

Синие вспышки света потревожили сон тринадцатилетнего Максима. Мальчик вскочил с кровати, бросился к окну и приоткрыл шторы. В узком просвете он увидел ночной кортеж.

Милицейский уазик с подмигивающим цилиндром на крыше, за ним грузный серый автозак, и замыкала колонну постовая «Жигули» — «шестерка». Машины двигались по узкой заснеженной улице, с трудом протискиваясь меж блочных пятиэтажек. Из темноты зарешеченного окошка автозака мелькнуло чье-то лицо. Максим стремительно задернул шторы и в страхе опустился на пол. Выждав время, мальчик осторожно поднялся. Шлепая босыми ногами, пробежал по темному коридору и заглянул в зал к родителям. Отец был на дежурстве, мама дремала на диване перед работающим телевизором. На экране появилась бодрая реклама вафель «Куку-руку». Прокравшись на цыпочках, Максим сел в кресло, скрестив ноги по-турецки. Кресло предательски закрипело.

— Максим, — ворочаясь, сонно пробормотала мама, — ну-ка марш спать. Немедленно. Завтра в школу проспишь.

— Мам, там это...

— Ну что еще?

— Уголовников возят опять.

— Ну что ты как маленький, ей-богу. Испугался, посмотрите на него. Вот завтра проспишь, я все отцу расскажу.

— Ладно, иду, — обиженно проронил мальчик, встал с кресла и вышел, прикрыв за собой дверь.

В комнате он включил настенный ночник в виде стеклянных ладоней, бережно обнимающих тусклую лампочку, с опаской глянул в сторону окна. Прилег на уже успешную остыть кровать, накрылся одеялом и вскоре уснул.

* * *

В Ивдель семья Макаровых переехала полгода назад. В крохотный городок на севере Урала отца, подполковника вооруженных сил, перевели по службе.

Иван Олегович Катков родился в 1986 году в Казахстане. Учился в Нижегородском государственном университете им. Лобачевского на филологическом факультете. Публиковался в журналах «Нева» (Санкт-Петербург), «Урал» (Екатеринбург), «Слово/Word» (Нью-Йорк), «День литературы» (Москва), «Вокзал» (Санкт-Петербург), «Гостиная» (Филадельфия, США), «Идель» (Казань), «Клаузура» (Москва), «Наше поколение» (Кишинев), «Пролог», (Москва), «Русский переплет» (Москва), «Великороссь» (Москва), «Сетевая словесность» (Екатеринбург), «Современная литература мира», «Ликбез» (Барнаул), «Петровский мост» (Липецк), «Нижний Новгород», «Земляки» (Нижний Новгород) и др. Автор книги рассказов «Еще один день» (2017). Живет в г. Дзержинске Нижегородской области.

Виктор Павлович работал в военкомате, был начальником четвертого отделения, отвечающего за призыв. Мать устроилась смотрителем в краеведческий музей, который к тому же был вечно на реставрации.

Наталье Сергеевне в Ивделе не нравилось. «Глухомань» — вполне справедливо называла она местечко с гидролизным заводом с одной стороны, колонией особого режима с другой и скучным Домом культуры с романтическим названием «Северный маяк» (в народе — «Северный маньяк») в центре.

Подполковнику привередничать было не по уставу, а Максима никто и не спрашивал. Тем более что мальчик быстро освоился.

Целыми днями он пропадал на улице.

Стояла середина августа, до школы оставалось еще целых две недели. Максим осмотрел местные достопримечательности. Скалы «Три богатыря», как называли их ивдельчане. Три каменных громадины, наполовину спрятавшиеся в облаках и омываемые шипящей, словно удав, горной рекой. Максим коснулся воды рукой, она была обжигающе холодной.

Гулял по кедровой роще. Перепачкавшись в смоле, набил полный рюкзак кедровыми шишками. Вечером мама отварила их в большой эмалированной кастрюле.

Подкралось первое сентября. Максим хоть и был трусоват, однако новой школы совсем не боялся. Макаровы часто переезжали, быть новеньким мальчику приходилось не впервой. Максим не заискивал перед учителями и одноклассниками, но контакт находил быстро. Уже через каких-то пару-тройку дней у него появился лучший друг. Сосед по парте Саня Перепелкин. Сашка, как оказалось, еще и жил неподалеку. Его дом располагался через дорогу, напротив овощного киоска.

Лихо промчалась осень, пришла зима. Городок сковали крепкие уральские морозы...

* * *

Утром мама готовила омлет. Она носила очки в тонкой позолоченной оправе, была стройная, худощавая, с пышными каштановыми волосами.

Максим доел свою порцию, когда вернулся с дежурства отец. Высокий, голубоглазый, с горящими зимним румянцем щеками, успевшими проклянуться легкой щетиной за время дежурства.

Тяжелый бушлат с заснеженным воротником он сбросил в коридоре, форму с тщательно отглаженными стрелками на брюках повесил на плечики в шкаф.

— Теплее одевайся, — сказал подполковник сыну перед тем, как отправиться в душ. Виктор Павлович был по-военному немногословен.

Через мгновение из ванной стали доноситься звуки плещущейся воды и бодрые пофыркивания.

Максим застегнул пуховик, влез в дутые на липучках сапоги — «аляски». Мама намотала ему шарф до самого носа. Максим стал похож на юного полярника. Закинув за плечи рюкзак, он вышел из дома.

Стальная дверь подъезда заледенела, Максиму с трудом удалось толкнуть ее. Редкие фонари освещали глухой двор, густо дымила труба котельной. Сосед сверху, дядя Коля Соловьев, глухо матерясь, пытался завести свой неказистый, тронутый ржавчиной узик — «буханку». Машина чавкала, кашляла и тут же глохла.

Похрустывая снегом, школьник шел по улице, стараясь дышать неглубоко, иначе от ледяного воздуха легкие мгновенно пронзала боль, как у заядлого курильщика, лишнего утренней сигареты.

Максим вышел со двора. На остановке рядом с остовом сгоревшего когда-то музыкального училища стояли два «Икаруса» с размашистой надписью «Газпром» на

голубых бортах. В салоны автобусов неспешно загружались сонные пассажиры. Газ-промовцы — городская элита, где даже самые низовые сотрудники зарабатывали в два раза больше подполковника Макарова.

Школьник вошел в подъезд Сашки Перепелкина. Захлопнулась дверь на тугой пружине. Поднялся на третий этаж. Из квартиры одноклассника воняло так, что слышно было даже на лестничной площадке.

Макаров позвонил в обитую коричневым дерматином дверь.

Открыла Санькина мама, смуглая и такая же пухлощекая, как и Сашка.

— Проходи, Максим, раздевайся, — широко зевая, сказала она.

— Спасибо, тетя Наташ, но мы в школу опаздываем, — шагнув в тесную прихожую, степенно ответил Максим и спрятал нос глубже в шарф.

— Ух ты, какие мы серьезные, — поправила фланелевый халат Перепелкина и, шаркая тапочками по нечистому, местами вздувшемуся линолеуму, скрылась за дверью туалета.

— Максон, я ща, — выкрикнул из кухни Сашка, заталкивая в рот бутерброд с маслом и запивая из огромного, размером с голову, бокала.

Одноклассник сидел на высоком табурете и болтал ногами. Максиму хотелось поскорее выбежать из квартиры. От удушливого запаха спирта и кошачьей мочи стала кружиться голова. Шесть пластиковых канистр со спиртом выстроились в коридоре вдоль стены. На гидролизном заводе, где трудился Санькин отчим, вчера выдали зарплату. «Живым товаром».

Спирт у работяг гидролизного за копейки скупали местные бандиты. Потом, уже по другим тарифам, «живой товар» поступал на зону. Занималась этим группировка «комаровских». Заправлял всем Слава Комар, местный авторитет. Хитрый, коварный, расчетливый и жестокий. Еще его называли Дедом. Комару перевалило за пятьдесят, возраст для бандитской «профессии» немислимый.

Пока Сашка возился со своим розовым, девчачьим пуховиком (перешел по наследству от старшей сестры), о ноги Макса терлись две серые кошки. У одной был надломлен кончик хвоста, похожий на кочергу.

— Пока, ма, — на прощание бросил Санька, и они вышли из квартиры.

Только в подъезде Макарову удалось вдохнуть свободней.

— Смотри, что я у отчима затырил, — шурша курткой, похвастался Санька в плохо освещенном подъезде и вынул из кармана мятую пачку сигарет. — «Родопи», — гордо сообщил друг, — баская вещь, ток крепкая.

Максим равнодушно кивнул. Сам он не курил, хотя одноклассники уже всю дымили.

Утром дожидаться автобуса было невозможно. Булькающий, как дьявольский котел Гингема, раскачивающийся на ухабах ЛиАЗ ходил, дай бог, раз в час.

Ребята отправились пешком. На морозе у Максима слипались ресницы. Мохеровый шарф покрылся инеем, ноги одеревенели. Зато привыкшему Саньке было все ни почем. На макушке подрагивала зеленая шапка — «петушок» с нелепой кисточкой, уши открыты, энергичная походка. Он еще и умудрялся напевать на ходу: «Мама, все о'кей, ну на кой нам эти Ю-Эс-Эй?!».

Наконец добрались до школы. К самому крыльцу подкатил желтый пазик. Из него шумно выбегали дети, живущие в окрестных поселках: Гидролизный, Лесхоз, Першино...

На входе школьников поджидала тучная вахтерша с седым пушком над верхней губой. Пыхтя, как черепановский паровоз, она грозно требовала предъявить сменную обувь.

У раздевалки Максима и Саньку встретили одноклассники — Олег Салаев, Вася Пьянков и Тимур Ларин.

Салаев был неформальным лидером. Красавчик, из богатой семьи работника Газпрома. Типичный провинциальный мажор. Избалованный, хвастливый, он кичился тем, что гулял с девчонкой старше него аж на целых два года. За глаза его называли Доном Жопеном.

Лопоухий, малиновощекий живчик Ларин и тихоня Пьянков были его адъютантами. Пьянков, кстати, по трагичной иронии судьбы рос в семье алкашей. Недавно освободившийся отец его, обменивая домашнюю утварь на спирт, беспробудно пил, да и мать, санитарка в больнице, от благоверного старалась не отставать. Мальчишка часто ночевал у бабушки, у которой был частный домишко недалеко от железной дороги.

Ребята пожали руки.

— Пацаны, у нас че первым? — боднув головой, смахнул со лба длинную челку Салаев.

— Русский, — неохотно ответил Санька, скосив взгляд на доску с расписанием, возле которого шумно толпилась малышня.

— Погнали до котелки, покурим?

— А успеем? — буркнул Пьянков.

— Да не с..., Марго простит.

Самый короткий путь до котельной пролегал через буфет. Всего-то нужно было пробраться к запасному выходу, который в течение учебного дня никогда не закрывался. Но предложение было рискованным, потому как подоконники около буфета оккупировались шпаной из младшего «городка». От них можно было запросто получить по шее, а то и лишиться карманных денег.

«Городком» называли группировку малолеток, которая «гоняла за свой район», периодически выезжая штурмовать пацанов из соседних поселков. Особенно «городок» не любил ребят из наиболее отдаленного от Ивделя поселка Луневск. Драки с ними были особенно жестокими. Младший «городок» состоял из школьников девятых—одиннадцатых классов. Старший — из выпускников, которые затем вливались в уже серьезную группировку. Чаще всего к авторитетному Комару.

Не надев куртки, одноклассники помчались к главному входу, едва не поскользнувшись на мокром полу в фойе.

— Без сменки обратно не впущу, — прокричала вслед вахтерша.

Смеясь, ребята показали ей средний палец.

— Ну, бандиты, — погрозила старуха сразу двумя пухлыми кулаками, — я вот вам!

На приоткрытой металлической двери котельной белой краской была коряво нарисована пацифика. В тесном помещении стоял прелый запах. От кирпичных стен с толстым слоем наледи валил пар. Санька Перепелкин и Олег Салаев взгромоздились на широкую, утробно гудящую трубу с мягкой гидроизоляцией. Макаров, Пьянков и Ларин стояли рядом.

— Покури, согреешься, — Пьянков добродушно протянул Максиму тлеющую сигарету, огромную в его коротких, толстых пальцах.

— Да ну, — отмахнулся Максим, — не охота.

— Отвали от человека, Васек, — заступился Санька, осторожно затягиваясь преступно нажитой «Родопи».

Из школы слабо донесся звонок на урок.

— Кстати, в курсе? — сказал Ларин, — сегодня к нам новенькая придет.

— Да ладно, — оживился Дон Жопен, — симпатная?

— Я-то откуда знаю. Придем — увидим.

— Да стопудняк стремная. Откуда хоть она?

— Вроде из Свердловска, — пожал плечами Ларин. — И чего только ее в нашу глушь занесло...

— Ладно, парни, надо двигать, — Салаев спрыгнул с теплой трубы и швырнул окурок в кучу хлама в углу.

— Зажевать есть че у кого? — спросил Санька.

Салаев вытянул из джинсов упаковку мятного «Орбита» и отсчитал по две подушечки в каждую протянутую ладонь.

Постучав, Максим приоткрыл дверь:

— Можно?

— Пулей, — прошипела Маргарита Николаевна, увидев в дверях раскрасневшиеся лица опоздавших. И беззлобно, вполголоса добавила: — Разгильдяи.

Ребята прошмыгнули внутрь и расселись по своим местам.

Класс знакомился с новенькой.

Худенькая девочка в джинсовом комбинезоне и белой толстовке с капюшоном стояла у доски, смущенно глядя в пол и хлопая длинными, пушистыми ресницами. У нее были заплетенные в косу рыжие волосы и круглое, кукольное личико с едва заметными веснушками. В ушах блестели золотые сережки — «гвоздики».

Маргарита Николаевна мягко положила ладонь на ее хрупкое плечо:

— ...хорошо, Олесь, присаживайся за вторую парту, к Варваре. А с ребятами познакомись на перемене.

Максим не сводил с новенькой глаз. Он сидел на соседнем ряду и любовался ее профилем. Курносый носик, длинная тонкая шея, богатая косища, ниспадающая ниже спинки стула. Максим представил, как возьмет ее за руку, коснется волос, поцелует в пухлую щеку и произнесет что-то вроде: «Никого не бойся. Я сам сто раз был новеньким, это не страшно. А если кто вдруг обидит — скажи мне, я разберусь с любым».

Когда Олеся ловила его взгляд, Макаров смущенно отворачивался к доске, где Маргарита Николаевна рассказывала о написании неправильных глаголов.

— Максим, — вдруг прервалась учительница.

— Да, Маргарита Николаевна, — встрепенулся Макаров.

— В облаках витаем?

— Да я так... задумался... — покраснел Максим, заметив, что новенькая смотрит на него с улыбкой.

— Ну вот что, мыслитель, — поправила очки классный руководитель, — давай-ка спускайся с небес, дуй на первый этаж, налей ведро воды и намочи тряпку, мне с доски стереть нечем. Справишься, Спиноза?

По классу прокатились девичьи смешки.

— Справлюсь, — буркнул Максим.

Он поднялся, злобно схватил ведро и вышел.

«Так опозориться перед новенькой, — сокрушенно думал Макаров, шагая по длинному коридору, — теперь будет считать меня идиотом».

Сбежал по лестнице, хватаясь за перила, в которые пару лет назад кто-то воткнул обломок лезвия. Не повезло второкласснику, который, спускаясь, глубоко распорол себе ладонь. Наложили швы. Были повреждены сухожилия. Впоследствии школьник не мог сжать кисть в кулак. Теперь каждое утро по распоряжению директора дежурные внимательно осматривали перила на предмет повторной диверсии.

Максим промчался по холлу и оказался в небольшом закутке около столовой. К стене с отбитым, точно обстрелянным из дробовика, кафелем крепились шесть богатырских умывальников эпохи застоя.

Рядом на подоконнике сидели трое и курили в раскрытую форточку. Подойдя ближе, Максим остановился. В одном из ребят он узнал десятиклассника Рому Чиндяйкина. Рассказывали, что Чиндяйкин был не последним человеком в младшем «город-

ке». Низкорослый, жилистый, с колким взглядом сорокалетнего урки, он носил коричневую дубленку на искусственном меху, черную вязаную шапку подворачивал и клал на макушку, словно тубетейку.

Затягиваясь и харкая на пол, пацаны о чем-то жарко спорили. Они не обращали внимания на тщедушного, стриженного «под челочку» шестиклассника с пустым ведром в руке.

Максим боязливо шагнул к умывальнику и отвернул вентиль. Загудев, кран дрогнул и выплюнул поток ржавой воды. Брызги разлетелись в разные стороны.

— Э, слышь, аккуратней там! — крикнул Чиндяйкин, отряхивая спортивки.

Он выбросил сигарету в форточку и слез с подоконника. Максим отступил, не решаясь поднять взгляда.

— Дай сюда, — юный бандит выхватил из рук Макарова ведро, подставил под носик крана, убавил напор воды, — всему вас учить надо, салабоны.

На большой перемене, рассевшись на корточках в круг, школьники играли в «кэпсы». Круглые, из плотного ламинированного картона фишки — «кэпсы» собирались со всех участников и складывались в стопку, картинкой вниз. Затем каждый, в порядке очереди, разбивал колоду массивной шайбой. «Кэпсы», которые падали картинкой вверх, переходили к игроку. Остальные фишки снова отправлялись в колоду. Сыграли на «дракошу», право первого хода досталось Салаеву.

— Ну че, пацаны, — потирал ладони он, — сейчас я вас сделаю, готовьтесь.

— Ага, щас, — усмехнулся Санька, удобней устраиваясь на рюкзаке, в котором что-то хрустнуло.

Салаеву везло, а Пьянков продул вчистую в первом же раунде. Проигравший выбыл из круга, школьники сдвинулись плотнее друг к другу. Проныра Ларин попытался спрятать фишку, за что был сразу дисквалифицирован. Максим играл без энтузиазма. Он часто отвлекался на разговор девчонок, стоящих неподалеку. Одноклассницы толпились рядом с новенькой и наперебой засыпали ее вопросами. Толстая Варя Батт достала из сумки свою девичью анкету, обклеенную вкладышами от жвачки «Love is...», и попросила Олесю ее заполнить. Та нехотя согласилась.

— Ура, есть! — выкрикнул Максим.

— Чего — ура-то, придурок? Прос..л ты, Макс, — сказал Салаев, жадно сгребая выигранные «кэпсы».

После уроков, минуя традиционный снежный обстрел у дверей школы, Максим и Санька шагали на автобусную остановку. Салаева встречала на машине мать. Ларин с Пьянковым важно садились в тонированную девятую «ладу» вслед за другом. Им нравилось ловить на себе завистливые взгляды одноклассников, переминающихся от холода с ноги на ногу.

Зловеще скрежеща, к остановке подплывал ЛиАЗ.

У Максима было странное хобби. По форме переднего бампера, фар и радиаторной решетки он определял выражение «лица» машины. У шестых «Жигулей» «лицо» было грустное и задумчивое. У «семерки» — с лукавым прищуром. У двадцать четвертой «Волги» — насмешливое, а у нерасторопного ЛиАЗа — одновременно виноватое и удивленное.

Половинки дверей автобуса с шипением разъехались, и школьники поднялись на просторную заднюю площадку салона.

Ехать сзади было особым кайфом. Держась за поручни, школьники подпрыгивали, как на батуте, в такт раскачивающейся корме автобуса. Сквозь булькающий шум мотора Максим расслышал разговор двух женщин в одинаковых ондатровых шапках и с объемистыми клетчатými сумками челночниц. Они расположились на заднем сиденье, лицом к Максиму и Саньке.

— Маньяк, слыхала, в городе? — говорила сидящая с краю.
 — Да ну, — качала головой соседка.
 — На самом деле. Мне зять рассказывал. Маньяк этот с зоны убежал. На гидролизном уже труп девочки нашли. Расчлененный, — тише добавила она.

Санька прислушался, даже оголил ухо, приподнимая вязаную шапочку. Рядом сидел парень в меховой кепке и скреб ногтем по заледенелому окну. Он тоже глянул в сторону женщин.

— Кошмар какой! Это что ж, теперь из дому не выйти?
 — Да кому мы нужны, старые калоши. Детей жалко...

* * *

За ужином Макс рассказал родителям об услышанном.

— Ой, да тут полгорода маньяков, ешь давай, — сказала мама, щедро наваливая в тарелку картошку-пюре с отварными сардельками.

— Ты больше дур всяких слушай, — реагировал отец, — уроки сделал?
 — Да сделал-сделал, — промычал Максим с набитым ртом.

Мать с отцом заговорили о чем-то своем, скучном и неинтересном. А Максим думал о сбежавшем из тюрьмы кровожадном убийце. Какой он, этот маньяк? Высокий? Низкий? Толстый? Худой? С бородой или без? Где он скрывается? Почему его до сих пор не могут поймать? Как ему удалось сбежать из колонии? Убил охрану? Теперь после школы — сразу домой. И одному по улице больше не разгуливать, лучше с Санькой. Вдвоем не так опасно...

Смотрели взятую у отцовского сослуживца видеокассету с гнусавым переводом. Это немного отвлекло Максима от волнительных раздумий. Фильм назывался «Няньки».

«Вот бы и мне таких амбалов в охрану, чтобы все было до фонаря», — мечтал Максим.

Отец уснул на половине фильма. Он был жаворонок. Вставал около пяти утра и засыпал не позднее десяти вечера.

Мать выдернула кассету из видеоплеера и включила «Тропиканку» — любимое бразильское мыло, которое смотрели все — от сопливых школьниц до выживающих из ума пенсионеров.

Макс отправился к себе. Разделся, лег в кровать. За стеной раздавался надсадный кашель соседа.

Дядя Егор был инвалидом. Ногу, рассказывал он, ему оторвало в Афганистане, когда он задел вражескую растяжку. Жил ветеран с дочерью и зятем и совсем не выходил из квартиры.

Слышимость в панельном доме была хорошая, вдобавок рядом с кроватью Максима была сквозная розетка. Он скручивал в рожок журнал «За рулем», прикладывая к розетке и общался с ветераном. Школьник даже слышал, как шумно ворочается он на кровати и чиркает спичкой, видимо прикуривая.

— Дядь Егор, не спите?

— Нет, малой, не сплю, — покашляв, ответил сосед. — Как дела? Рассказывай. Как в школе?

— В школе вроде бы ничего, только задают много.

— Никто не обижает?

— Да нет...

— Вот и хорошо. Помнишь, как я тебя учил: никому не показывай своего страха, иначе живьем съедят.

— Я помню, дядь Егор, у меня тут другое...

— Погоди-ка, я радио убавлю.
Скрипнула кровать, ветеран чертыхнулся.
— Говори, — отозвался он через мгновение.
— Ну, в общем, новенькая у нас, — сказал Максим и замолчал.
— Нравится, что ли?
— Ну, вроде того.
— Если нравится — не б.и. Подойди и прямо в лоб скажи: «Теперь я тебя провожать буду». И все. Они любят напор и уверенность. А откажет — значит, дура набитая, и черт с ней. Зато ты точно будешь уверен, что промахнулся.

Сосед коротко выдохнул, так же как это делал отец, позволяя себе редкую стопку на выходных.

— Красивая хоть? — спросил он сдавленным голосом.
— Да, очень красивая. Самая красивая в классе.
— Ну, коли так, тогда борись, не будь тюфяком. А то глазом не моргнешь — уведут. Сосед замолчал.
— Дядь Егор, вы еще здесь? — спросил Максим, приложившись губами к самодельному рупору.
— Да куда я денусь с подводной лодки.
— Тут люди говорят, что маньяк объявился в городе.
— Люди вообще много говорят. И много не по делу.
— Так вы думаете, что это вранье? — с надеждой спросил Максим.
— Да какая разница, что я думаю. Я тебе, паря, одно скажу, — ветеран протяжно зевнул, — в твоём возрасте я вообще из дома без ножа не выходил. Полдурков отмороженных всегда с лихвой было... Ладно, малец, что-то подустал я, в сон клонит. Давай там. Конец связи.

Максим снова видел этот жуткий сон.

Он с родителями на свердловском железнодорожном вокзале. Ночь, пустующий зал ожидания. Голос в громкоговорителе изредка нарушает тишину монотонным речитативом. Родители уходят в буфет купить в дорогу воды, оставив сына следить за сумками. В зале появляется потасканного вида, плохо выбритый мужик в ватнике и засаленной драповой кепке — «босячке». От него оглушительно воняет перегаром, на губах запекшаяся кровь. Он худой и сутулый, с болезненно-серым лицом. Садится рядом на скамью и пристально смотрит на Максима. Максиму становится не по себе, но он всеми силами старается не подавать вида. Родителей все нет. Мужик ухмыляется, цокает языком, искоса смотрит. Потом забрасывает руку на спинку скамьи и чуть заметно придвигается к Максиму. Он готов закричать, бросить вещи и кинуться на поиски мамы с папой, которые почему-то решили его бросить или с ними случилось что-то страшное... Объявляют о прибытии поезда. Мужик уже совсем рядом. Максим чувствует отвратнейший, гнилой запах, страх сковывает его, он не может пошевелиться, но, к счастью, возвращается мама. Что-то пробормотав, мужик сплевывает в сторону, резко поднимается и, прихрамывая, направляется к выходу. Мама спешно хватается за сумки и берет Максима за руку. До боли сжимает.

— Идем, опоздаем, — взволнованно произносит она.
— А где папа? — спрашивает сын.
— Он нас догонит, идем.

Максим рыдает, понимая, что больше никогда не увидит отца. Мама сильнее сжимает его ладонь. Они выходят на платформу. Поезд медленно останавливается. Проводница открывает дверь тамбура. Мать едва ли не силой затаскивает мальчика в вагон.

— Он не вернется! Я знаю, он не вернется! — сквозь слезы кричит Максим и бьет ногой по стене тамбура. Раздается гул, словно они находятся внутри огромного пустого резервуара.

— Замолчи! Сейчас же! — эхом отзывается плавающий голос мамы. Она тоже начинает плакать, обхватив голову руками и сползая на корточках.

Проводница лязгает откидным полом, захлопывает дверь, поезд плавно трогается.

* * *

Город кипел слухами. Ходили разговоры еще об одной жертве. В районе элитных газпромовских новостроек нашли изнасилованную и задушенную шестнадцатилетнюю девушку. Якобы обнаружили ее на лестнице, ведущей в подвал. Появились и приметы маньяка. Высокий, на вид лет двадцати пяти-тридцати, черная шерстяная шапка на глаза, камуфлированный бушлат. Под это описание благополучно подходила большая часть мужского населения города.

Половина ивдельчан отмахивалась и крутила пальцем у виска. Посудачить в городке любили. Другая же половина, более творческая, с воображением, до того была напугана, что передвигалась по городу робкими перебежками, словно под артобстрелом.

Соседка сверху, Тамара, придыхая от волнения, рассказывала маме Максима, что на днях видела маньяка у продуктового магазина «Юбилейный».

— Вот те крест, Наташ, видела. Он это был, он, он. Рожа злая, глаза навывкате, пена у рта. Он в рукав мне вцепился, а я руку вырвала и бегом от него, а сама ору во все горло. А всем хоть бы хны.

— Так он же познакомиться с тобой хотел, дуреха. А глаза выпучил — так это ты его красотой своей сразила. А ты — маньяк, маньяк...

Прислушиваться к малограмотной тетке, которая до сих пор хранила на антресолях банки с заряженной «кашпировской» водой, излечивающей от всех болячек, и надеялась когда-нибудь обменять ваучеры Мавроди на деньги и сказочно разбогатеть, Наталье Сергеевне не хотелось. К тому же не было ни одной милицейской ориентировки, даже крохотной заметки в областной газете, ничего. Только слухи, сплетни и домыслы.

* * *

Тем не менее Максим по совету ветерана стал носить с собой перочинный ножик, найденный у отца в ящике с инструментами. Ножик был складной, легко умещался в кармане джинсов и включал в себя отвертку, шило, штопор, ножницы и абсолютно бесполезную пилочку для ногтей. Расправив это добро веером, он показал находку Саньке. Тот не без зависти осмотрел трофей, сложил, подбросил на ладони и хмыкнул:

— Игрушка. Таким и ребенка не напугать.

— А я пугать и не собираюсь, — обиделся Максим, — это для самообороны.

— Запыряешь пилочкой до смерти? — посмеялся он, возвращая нож. — Тогда бы уж с кухонным ходил для самообороны.

На уроке географии Максим заметил, как новенькая передала соседке по парте Варе Батт анкету. Та убрала ее в сумку. Максим хищно усмехнулся. Он знал, что на перемене обязательно добудет заветный манускрипт.

Пожилую географиню с редкими, крашенными хной кудряшками и в мятой, телесного цвета блузке никто не слушал. Казалось, что не уснуть на собственном уроке стоило ей нечеловеческих усилий. Говорила она тихо, а то и вовсе шепотом.

Пацаны рубились в «морской бой», кто-то глазел в окно, за которым крупными хлопьями падал снег. Салаев с Лариным хохотали и плевали в стену бумажными комочками из стеклянных трубок. Мишенью служила глубокая выбоина с осыпающейся извешткой. Проигравший получал горячий фофан в лоб. Девочки шушукались или прикладывали ладони к тетрадному листу, обводили контуры шариковой ручкой и пририсовывали маникюр, браслеты и кольца.

Прозвенел звонок.

Батт не расставалась со своей сумочкой ни на минуту, словно чувствовала опасность. Даже в столовой укладывала ее себе на круглые колени, обтянутые черными вязаными колготками. Максим думал о том, как в коридоре вырвет сумку из ее рук, забежит в укромное, тихое местечко под лестницей, варварски распотрошит, разбрасывая по полу бесчисленные тетрадки, ручки и прочий ученический скарб, и заполучит анкету.

Мирным путем договориться с одноклассницей было невозможно. Варя давала заполнить анкету только тем, кто был ей симпатичен. Из мальчишек в классе такая честь выпала только Дону Жопену. От посторонних глаз Батт ее тщательно оберегала.

Максим уже было потерял всякую надежду, но на физкультуре замаячил шанс исполнить задуманное.

В спортивном зале с давно не крашенными деревянными половицами играли в волейбол. Команда девочек против команды мальчишек. Остальные сачковали, отсиживаясь на длинных, вдоль стен, скамьях. Максим тоже был в компании сачков — болельщиков. Рядом сидел Салаев и о чем-то ворковал с новенькой. Даже пытался ее приобнять, но Олеся целомудренно сбрасывала нахальную руку, стараясь отсесть подальше.

«Какая же ты сволочь, Салаев, какая подлая тварь!» — шипел Макаров, до боли сжимая кулаки.

Поскрипывали резиновые подошвы кроссовок, раздавались тугие удары по мячу. Эхом разлетались крики игроков и болельщиков. Изредка слышался короткий свисток учителя физкультуры, седого, невысокого, крепко сколоченного мужичка с округлым брюшком.

Максим уллучил момент и выскользнул из зала. Он едва не подскочил от радости, когда увидел незапертую дверь в женскую раздевалку. Сердце застучало, отдавая в виски. Но как только он сделал шаг, увидел сквозь распахнутую дверь мужской раздевалки Пьянкова. Он сидел на корточках, прислонившись к стене. Уронив голову на сложенные руки, Вася рыдал, дергая плечами.

— Что случилось? — спросил Макаров.

Кисло воняло потом. На приоткрытых дверцах шкафчиков висела одежда. Сапоги и ботинки были разбросаны по полу.

— Ничего, отвали, — шмыгнул носом Пьянков, не поднимая голову.

— Да ладно тебе хныкать, Васек, — присел рядом Максим, — расскажи, что произошло-то?

— Штаны, — утирая ладонью слезы, в два слога выговорил одноклассник.

— Чего — штаны?

— Штаны я порвал, вот чего! Последние! Меня дома убьют! — вскричал Пьянков и выставил вперед ногу. — На вот, полюбуись!

Макаров увидел распоротую от щиколотки до колена штанину. Спортивки Пьянкова стали похожи на клеши моряков парусного флота.

— Ну-у, из-за такой ерунды, — усмехнулся Макаров, — ну хочешь, я тебе завтра свои принесу, у меня этих треников дома навалом.

— Засунь себе в жопу тогда свои треники!

Пьянков вскочил, стянул с себя клеши, и влез в джинсы. Широко размахнувшись, забросил скомканные штаны за шкафчики, схватил рюкзак и выбежал.

Максим чуть было не вернулся обратно в спортзал, напрочь позабыв о своем деле. Но вовремя опомнился. Оглядываясь по сторонам, вошел в женскую раздевалку. Ментально подскокил адреналин, сердце отчаянно рвалось из груди. Казалось, что сейчас кто-нибудь войдет и застанет его на месте преступления. И уж тогда-то он никак не отмажется. Нырив в шкафчики девчонок, через некоторое время он отыскал нужный. Дрожащей, влажной от пота рукой дернул молнию на сумке Вари, порылся в учебниках и выхватил толстую тетрадь. Метнулся в мужскую раздевалку и спрятал краденое в своем рюкзаке.

На последнем уроке Макаров еле сдерживался, чтобы не раскрыть анкету.

После звонка оравы школьников выскакивали из кабинетов и устремлялись по лестнице вниз, точно снежная лавина, соскальзывающая с крутого горного склона.

Мимо, заложив сигарету за ухо, прошел Рома Чиндяйкин. За ним следовала его свита из пяти человек. Рома улыбнулся и подмигнул Макарову. Макаров осторожно кивнул в ответ.

В фойе, пробираясь сквозь шумную толпу, к Максиму подошел Пьянков и отвел его в сторону, где было тише.

— Не говори никому, что в раздевалке видел... Ладно? — он хмуро протянул ладонь.

— Лады, все между нами, — в ответ пожал руку Максим.

— Спасибо, — Вася хотел было уйти, но замешкался и повернулся. — А хочешь, поехали с нами на машине, с олеговской мамой. Думаю, она не будет против.

— Да не, Васек, не надо. Мы уж сами как-нибудь.

Пьянков поплелся к выходу. Он был невысокий, вдобавок сутулился. Лямки рюкзака мохрились и сползали с покатых плеч.

Максиму было его жаль.

* * *

Убили четырех милиционеров. Новость в мгновение разлетелась по городу. На конспиративной квартире их расстреляли из автомата. Поговаривали, что у ментов были какие-то дела с «комаровскими», якобы стражи порядка имели свою долю от продажи спирта в ивдельскую зону. Пули искромсали тела милиционеров, у одного оказалось отстрелено ухо. Вся квартира была залита кровью, по полу были разбросаны двойные, скрученные изолентой рожки. Санька видел, как из подъезда в каких-то длинных черных то ли сумках, то ли мешках выносили убитых. Это произошло в доме напротив. Поглазеть сбежался весь район. Бабушки, замотанные в пуховые шали до самых глаз, крестились и охали, родители отводили детей подальше.

Ужинали молча. Мать была не в духе. Она качала головой и тяжело вздыхала. Пару раз прикрикнула на Максима:

— Сядь ровно! Где твои локти?! Не чавкай, как свинья!

Виктор Павлович был спокоен и невозмутим. Но мать это еще больше распалило. После ужина Максима отправили в зал и велели сделать громче звук телевизора. А сами плотно закрыли дверь в кухню.

Значит, будут ругаться, понял Максим.

Как ни велико было желание почитать краденую анкету, школьник решил оттянуть сладостный момент до позднего вечера. А заодно и проверить свою силу воли. Голоса родителей слышались из кухни все отчетливей. Мать то визгливо вскрикивала, то монотонно бубнила. Отец отзывался кратко и сдержанно.

— ...Чувствую себя здесь как в ссылке! Завез к черту на кулички, в дыру, Богом забытую. Вон погляди, здесь уже и в людей стреляют! Из дома выйти страшно! — каким-то не своим, плаксивым голосом причитала Наталья Сергеевна.

— Сейчас везде так, время такое, — звучал в ответ бархатистый отцовский бас.
— Везде, да не везде. Сам же говорил: чем дальше от центра, тем больше бардака.
А здесь вообще уголовники по улицам разгуливают.

— Где ты их видела-то?
— А ты глаза разуй! Вот отсидел он срок, предположим, дома никто не ждет, ехать некуда, куда деваться? Конечно, оставаться в этой чертовой деревне!

— Не ори ты, пацана разбудишь...

— Тебе просто на нас наплевать!

Отец шумно вздохнул.

— С твоей-то головой давно бы в бизнес пошел, — продолжала наступать мама, — вон тот же Короленко, у него образование восемь классов, дебил дебилом, а зато свой ларек. Работает на себя.

— Я не торгаш, я офицер.

— Да? А кому от этого легче?! — взорвалась мать. — Плевала на тебя твоя армия и твое государство! Перебиваемся с копейки на копейку. Каждый раз одно и то же! Разве это жизнь?! Как цыгане, по стране мотаемся. Из Новгорода в Таджикистан, из Таджикистана — в Казахстан, из Казахстана — на Урал. Всю жизнь на перекладных! Сил моих больше нет! Служба эта твоя проклятая! Хочу, наконец, нормальной жизни! Хочу свое гнездо!

Мать начала плакать. Отец что-то тихо говорил, пытаясь ее успокоить.

Максим вышел из зала и отправился в свою комнату. Сосед за стеной пытался гневно перекричать радио, которое транслировало какую-то политическую передачу. Макарову было не до него. Он вытащил из рюкзака анкету, погасил общий свет и включил ночник. Подмяв под себя одеяло, уселся на кровать.

На двух первых страницах старательной девичьей рукой были написаны вопросы, каждый из которых Варя выделила фломастерами.

С нетерпением перелистав страницы, Максим отыскал нужную.

У Олеси оказался мелкий, семяющий почерк со множеством закорючек и завитушек, буквы чуть скошены влево. От бумаги пахло духами. Максим приложил тетрадь к носу и втянул сладкий аромат. В голове затуманилось, в паху стало щекотно и горячо. Он откинулся на подушку.

— Козлы! Козлы! — вдруг закричал раздосадованный ветеран. — Когда же вы все, падлы, передохнете! Такую державу раз...или, сатрапы! Дай мне волю, я бы вам всем яйца пооткручивал.

Максим поднялся и снова взял в руки анкету:

Та-а-а-к, значит, родилась двадцатого февраля... Любимая музыка: «Руки вверх», «Отпетые мошенники», «Стрелки»... ничего интересного, идем дальше. Любимый цвет — зеленый, любимая передача — «Звездный час». Ну и бестолочь же эта Батт, не могла придумать вопросы поинтересней. Любимое блюдо, бла-бла-бла... Нравится ли кто-нибудь из класса? Его бросило в жар. Максим прочел строчку ниже:

«Секрет».

«Вот оно, — подумал Макаров, — значит, кто-то все-таки нравится. Может быть, это я?» Максиму захотелось выкрикнуть что-нибудь радостное.

— Что делать — что делать? Хрен муравью приделать — вот что делать! — не унимался сосед.

Максим еще раз пробежался по страницам, снова вдохнул пьянящий аромат. Ему хотелось запомнить этот запах.

Родители вроде бы помирились. Они посмеивались в зале под комедию с Луи де Фюнесом, будто и не ругались вовсе.

Сосед за стеной притих, а Максим еще долго не мог уснуть. Он был приятно взволнован. Ворочался с боку на бок, обнимал подушку, которая тоже, казалось, пахла духами Олеси.

* * *

В воскресенье утром отец отправился на дежурство. Ближе к одиннадцати мама стала собирать ему обед. Голубцы в баночке, плотно обернутой полотенцем, чтобы дольше не остывали, термос с кофе и пирожки с луком и яйцом.

Наспех убрал «Денди» в рюкзак, Максим убежал к Салаеву за новыми картриджами. У Олега была более крутая приставка — шестнадцатибитная «Супернинтендо». А восьмибитную «Денди» он подарил своему младшему брату-дошкольнику.

Родители не позволяли Максиму играть дома, боясь, что он «спалит телевизор». Ему приходилось делать это тайно, после школы, когда все были на работе. Но однажды его застукала мать. Отругав сына, она выдернула из приставки блок питания и надежно спрятала, соврав, что теперь будет носить его с собой на работу.

Поэтому Максим с нетерпением ждал воскресного дежурства отца, чтобы отправиться к нему в военкомат и вволю наиграться на казенной «Чайке».

«Денди» Максиму подарили прошлым летом, когда он гостил у бабушки в деревне. Он нетерпеливо сорвал пленку с коробки, затем с противным пенопластовым скрипом достал из ячеек приставку, блок питания, два джойстика и световой пистолет.

Побросав все дела, бабка с дедом расселись рядышком на табуретах и дивились тому, как лихо внучок стреляет из черного «кольта» по уткам.

— Вот так чудо техники, — качал седой головой дедушка, подкручивая желтые от табака усы. — А ты, это, попробуй-ка в собаку разок пальни, — озорно посмеивался он, когда на экране черно-белого «Рубина» выскакивал из кустов довольный пес с подстреленной уткой в лапе.

— Ты что городишь, старый черт, — стыдила бабушка, — в собаку нельзя, она друг.

— ...Максим, ну где ты ходишь, остынет же всё! — сказала Наталья Сергеевна, когда запыхавшийся, краснощекий сын вбежал в коридор. Карманы его пуховика были набиты картриджами в оранжевых и желтых футлярах: «Бателтодс энд Дабл Драгон», «Червяк Джим», «Аладдин», долгожданные третьи «Черепашки», «Футбольная лига», чтобы сразиться с отцом один на один...

Макаров просунул руки сквозь тесные лямки рюкзака, джойстики внутри стукнулись о пластиковый корпус приставки.

— И смотри у меня, чтобы дома был не позднее четырех. Понятно? — мама протянула ему холщовую сумку с едой, поправила съезжающую на глаза шапку.

— Да понятно, понятно. Ну все, мам, я погнал, а то времени мало.

Военкомат находился в пятнадцати минутах ходьбы.

В воскресное утро на улице было совсем мало людей. Ярко светило солнце. Морозец стоял крепкий, но не такой лютый, как на прошлой неделе.

Школьник мчался по хрусткому снегу, сокращая путь дворами. И вдруг, обегая хоккейную «коробку», он увидел Его.

Мужчина в черной вязаной шапке и камуфлированном бушлате угрюмо сидел на корточках посреди заснеженной детской площадки и стряхивал пепел сигареты. Вокруг, как назло, не было ни души. Страх парализовал Максима. Он встал как вкопанный метрах в тридцати.

«Маньяк, маньяк, маньяк, маньяк!» — застучало в голове.

Затряслись колени, пересохло во рту. Он опустил руку в карман куртки, пытаясь нащупать перочинный ножик, который безнадежно запутался в подкладке. От ужаса он

попятился назад, но вдруг увидел, как мужчина выбросил окурок и припал на одно колено. Затем он поднял пластиковую выбивалку и стал яростно колотить по утопленному в сугробе половику, поднимая снежные брызги.

— Тьфу ты! — облегченно выругался Макаров и сплюнул сухой слюной.

Немного отдышавшись и придя в себя, он припустил дальше, посмеиваясь над своей трусостью.

В одном из дворов за ним увязалась лохматая рыжая собачонка таинственной породы. Звонко тявкая, она норовила обогнать школьника.

Отстала собака только у массивных дверей военкомата. С визгом шарханулась в сторону, точно злостная уклонистка от военной службы.

Максим дотянулся до черной кнопки звонка. Раздалось грозное жужжание. Через минуту лязгнул замок, дверь тяжело открылась.

— Проходи, — улыбнулся отец, пропуская Максима вперед.

Подполковник был в зеленой форменной рубашке с засученными по локоть рукавами, верхняя пуговица расстегнута, галстук под цвет рубашки болтался на медном зажиме на уровне груди.

— Поднимайся в мой кабинет, я сейчас подойду, — сказал отец и, поскрипывая до блеска начищенными ботинками, шагнул в застекленную будку «дежурки».

Макаров-младший, пройдя по длинному коридору с множеством дверей с красными табличками: «окулист», «психиатр», «лор», «хирург»... — оказался на лестничном пролете. Поднялся на второй этаж и вышел в просторный холл. На стенах висели агитационные плакаты, заключенные в деревянные лакированные рамки. Снайпер в каске, с черными маскировочными полосками на лице и с СВД в руках смотрел в оптический прицел. Ниже подпись: «Он бьет без промаха. А тебе слабо?», два солдата в окопе с «калашами», один прицеливался, второй указывал пальцем перед собой. Над ними слова: «Военная служба по контракту — дело настоящих мужчин!»

Максим был у отца на работе не в первый раз. В будни по коридорам сновали военные, не смолкали трели телефонов, раздавались грубые, громкие голоса и смех.

Работники его хорошо знали. Пропахшие табаком и одеколоном мужчины жали ему руку, как взрослому, женщины приглашали пить чай и угощали печеньем.

— Ну что стоишь, как засватанный? — процитировал строчку из любимого фильма отец, поднимаясь по лестнице. — Открыто же, чего не заходишь?

— Да тебя ждал, — стаскивая с плеч рюкзак, Максим надавил на ручку, толкнул дверь и вошел в кабинет.

В центре располагался громоздкий стол, на нем возвышалась аккуратно сложенная стопка папок, рядом уверенно обозначился дисковый телефон. В углу притаился небольшой сейф с кодовым замком. На противоположной стороне кабинета размещался продавленный диван — «Чебурашка», тумба с заветным телевизором «Чайка» и низкий журнальный столик.

Отец снял телефонную трубку и, зажав ее между плечом и ухом, стал накручивать тугой диск, другой рукой придерживая скользящий по столу аппарат. Максим выгрузил из сумки еду на журнальный столик.

Пока Виктор Павлович разговаривал по телефону, Максим успел подключить приставку к лениво прогревающейся «Чайке».

На мерцающем экране появилась наконец заставка «Черепашек».

— Пап, давай со мной, тут на двоих можно, — сказал Максим, присаживаясь на краешек дивана с джойстиком в руках.

Подполковник отрицательно покачал головой. Достал пирожки, протянул сыну:

— На вот, лопай лучше.

— Не, спасибо, я их дома объелся, — ответил Максим и, щелкая кнопками, выбрал персонажа. Это был Леонардо, он лихо орудовал мечами.

«Квабанга!» — прокричал Лео, и игра началась.

Пообедав, подполковник отправился сполоснуть посуду. Вернувшись в кабинет, он сел за свой стол, раскрыл серую папку и стал перебирать документы, изредка хлопая печатью.

— Да ё-моё, — вскрикнул Максим, топая ногой, — опять продул, а! Дебильный уровень! Долбаный кабан!

— Тихо там, — чуть заметно улыбнувшись, произнес отец.

— В следующий раз возьму у Олега книжку с кодами для прохождения, — рассуждал Макаров-младший.

Позднее Максим уговорил отца сыграть в футбол.

Но не успели они доиграть второй тайм, как задребезжал телефон. Отец встал, бодро прошагал к столу, снял трубку.

Нажав на паузу, Максим поднялся и побрел в туалет. А по возвращении в кабинет услышал:

— Ну все, лафа кончилась. Мать звонила, дуй домой.

Препираться было бессмысленно.

— Эх, только разыгрался, — вздохнул Максим.

Перед выходом подполковник крепко, по-мужски пожал ему руку, достал черный бумажник и отсчитал несколько купюр. На карманные.

* * *

Классный руководитель задерживался. Ученики шестого «А» гудели.

— Ребят, а кто дежурный? — громко и требовательно спросила Варя. — Сходите в учительскую, узнайте, где Маргарита Николаевна.

— Те надо, ты и иди, — хмыкнул Ларин.

Новенькая что-то шепнула Варе на ухо. Та кивнула и рассмеялась.

— Пятнадцать минут ждем и сваливаем, — объявил Салаев. Он сидел, закинув ногу на парту, хвастаясь новыми утепленными кроссовками из «Еврошопа».

— Тоже мне, командир нашелся, — усмехнулась Батт.

— Толстым слово не давали!

— Идиот, — раскраснелась Варя.

Она опустила голову и принялась нервно перелистывать страницы учебника.

Санька хвастался Максиму новыми наклейками в журнале с футболистами:

— Во, смотри, это Роналдо. В семнадцать лет стал лучшим бомбардиром чемпионата Голландии...

Неожиданно дверь распахнулась, и в класс вошла Маргарита Николаевна, у нее был серьезный, озабоченный вид. За ней проследовали две женщины. Одна пожилая, другая средних лет. Та, что помоложе, с отеками лицом и красными, слезящимися глазами, часто сморкалась в скомканный носовой платок. Старушка в засаленном коричневом пальто и в старомодной ондатровой шапке-ушанке тяжело вздыхала, склонив голову набок.

Ученики с любопытством рассматривали вошедших, некоторые удивленно переглядывались.

— Ребята, — наконец заговорила Маргарита Николаевна, — у нас в классе произошло чэпэ. Пропал Вася Пьянков.

— Как пропал?! Куда?! Когда?!

Дети оборачивались и осматривали пустующее место Пьянкова на «камчатке», будто он нарочно спрятался под парту и сейчас выпрыгнет из-под нее, смеясь над тем, как здорово он всех разыграл.

Покачиваясь, старушка подбрела к первой парте и тихо произнесла:

— Ребятишки, миленькие, кто-нибудь из вас виделся с Васей в выходные?

Мать Пьянкова театрально всхлипывала рядом, придерживая бабушку за талию.

Школьники отрицательно качали головами.

— Господи Боже мой, — выдохнула старушка, утирая слезы ладонью, — как с уроков в субботу пришел, пообедал, гулять ушел, и больше не видели его.

— Да вы не волнуйтесь так, вернется, — приподнялась Варя, — мы с ребятами спрашиваем, может, кто-нибудь его и видел. Правда, ребят?

— Спасибо вам, мои хорошие, спасибо, миленькие, — старушка чуть отступила назад.

— Очень надеемся на вашу помощь, дети, — сказала мать, комкая в кулаке платок, — мы все испереживались. Ходили в милицию, заявление написали. Места себе не находим. Где он? Что с ним?

Классный руководитель жестом попросила детей встать и отправилась провожать Пьянковых.

— Ребзя, да это маньяк, — сказал Ларин, когда дверь захлопнулась, — сто пудов маньяк. Выследил нашего Ваську и грохнул.

— Что ты несешь? — возмутилась Батт. — Он же твой друг.

— А я че, я, что ли, виноват?

— Да бред это все, — взобрался на парту Салаев, — с родаками поссорился, вот и решил свалить, типа поугагать. Вы на мать его посмотрите, синячка натуральная.

— Если и сбежал бы — сбежал бы к бабке, а бабка тут, — возразил Перепелкин, — не, тут что-то посерьезней, походу. Макс, — он слегка толкнул соседа в плечо, — а ты че скажешь?

Макаров молчал. Рассказать ребятам о порванных штанах — засмеют. Из-за таких пустяков из дома не убегают. Тем более он дал слово хранить тайну.

— Ребят, — вдруг сказала новенькая, — да че вы паникуете раньше времени. У меня в той школе тоже случай был, мальчишка пропал. Искали все, подняли на уши полгорода. А он в подвале у дворника жил. У него две «пары» за четверть выходило, он боялся домой возвращаться.

— И че, ты предлагаешь все подвалы в городе проверить? — спросила Синицына, грубоватая, белобрысая дочка завуча.

— Я ничего не предлагаю, — хмыкнула Олеся.

— А я предлагаю, — вмешался Салаев. Все обернулись в его сторону. — После школы собираемся и идем прочесывать город. Каждый подвал, каждый закуток. Кто не идет — тот лошара.

Вернулась Маргарита Николаевна. Скрестив руки на груди, шагнула в центр класса:

— Ребят. Олег, Тимур, Саша, Максим. Вы дружите, может, вы что-нибудь знаете?

— Нет, Маргарит Николаевна, — ответил Салаев, — зачем нам что-то скрывать?

— Мы все знаем, — продолжила она, — что семья у него сложная. Вася когда-нибудь вам жаловался или, к примеру, говорил, что не хочет возвращаться домой? Ну, было такое?

— Нет, Васек никогда никому не жаловался.

Макаров отвернулся к окну.

* * *

На поиски Васи собрался весь класс. Уклонились лишь двое — братья Карповы из поселка Гидролизный, сославшись на то, что у них были талоны на прием в поликлинику.

— Ну и валите, — прокричал им вслед Салаев, — и без вас обойдемся, уроды!

Ребята организованно разбились на несколько групп. Максим оказался в компании Саньки Перепелкина, Наташи Зиминной, Коли Варенцова, Вари Батт, а позднее, на радость Макарова, к ним присоединилась Олеся, дезертировав из команды приставучего Салаева.

Их группа должна была прочесать улицу 60 лет ВЛКСМ, потом через Пильный переулок выйти на Куйбышева, пройти вдоль по улице Трошева вплоть до автостанции на Первомайской. Это была общая точка сбора.

Мальчишки шагали впереди, девчонки — чуть поодаль, но старались не отставать. Ребята действовали решительно, они были готовы проверить каждый дом. Заходили в подъезды и в шесть голосов звали Васю. Несколько раз их прогоняли недовольные жильцы:

— Нет тут никакого Васи и не было никогда! Валите отсюда, а то милицию вызову!

На улице Трошева школьники повстречали крепко выпившего мужика. Несмотря на мороз, на нем были лишь клетчатая рубашка, серый распахнутый рабочий халат и старомодные кеды. Алкаш едва держался на тощих, синих от холода ногах, ухватившись за металлический ставень киоска.

— Я твой рот бомбил! — неистово кричал мужик, наклоняясь к приоткрытому, обклеенному рекламой «Сникерсов» окошку.

Через мгновение из окошка по локоть высунулась женская рука и звонко шлепнула бузотера по небритому лицу. Тот повалился на спину. Он долго не мог подняться, стонал и сучил голыми ногами, путаясь в подоле халата.

— Вот он, ваш маньяк, — рассмеялась Олеся, — теперь точно обезврежен.

Если на дверях не висели замки, Максим, Санька и Коля спускались в подвалы, девочки оставались ждать на улице, боялись.

— Ребят, ну как там? — осторожно заглядывая внутрь, спросила Варя.

— Пусто, — ответил худой, длинный, как жердь, Варенцов, — Васек в такой вонизме и пяти минут бы не выдержал.

— Ну выходите тогда, че там засели.

— Идем-идем, не ори.

Отряхивая одежду, мальчишки выбрались на улицу.

— Ну все, надо к автостанции дуть, не найдем мы его тут, — Санька зачерпнул пригоршню снега и потер испачканный побелкой рукав пуховика.

— А как же те двухэтажки? — спросила Зимина, поправив на голове фиолетовый, весь в катышках, капор из ангорки.

— Да там замки везде кодовые — бесполезняк, — отмахнулся Перепелкин, — идемте на станцию ждать остальных.

Максим с Санькой шли позади Олеси и Вари. Санька курил, пряча сигарету в кулаке.

— А Перепелкин курит, ха! — оглянувшись, крикнула Батт.

— Ой, осади там! — ответил Санька. — Макс, ну ты че липуешь? — кивнул он в сторону девчонок, — подойди к ней, а я пока Варьку отвлеку.

— Ты че, офонарел, что ли? Забыл, зачем мы здесь?

— Да ладно, а то я не вижу, как ты на нее пялишься постоянно.

— Не надо, Сань.

— Надо, Федя, надо!

Санька слепил упругий комок снега, прицелился и бросил в Варю. Попал в спину.

— Ах ты, гад! — вскрикнула Батт и, передав сумку Олесе, помчалась за Санькой.

— Действуй, — срываясь с места, на ходу прокричал он Макарову.

— Догоню — тебе не жить! — грозила Варя.

— Ага, сначала догони!

Максим шел за Олесей, как приклеенный. Заметив это, она нарочно замедляла шаг, Максим притормаживал тоже. Наконец девочка остановилась и развернулась к Мака-

рову. Ее длинные ресницы белели от инея, щеки горели румянцем. На морозе она была еще красивее.

— А ты чего там в хвосте плетешься? — улыбнулась новенькая.

— Да я тут так... — подойдя ближе, замямлил Максим.

Шли молча. Макаров смущался, не решаясь даже взглянуть в ее сторону.

— Ну и придурок же твой друг, — нарушила неловкое молчание Олеся.

— Да нет... не совсем придурок... в смысле, совсем... не придурок, — залепетал Максим словно умственно отсталый.

Олеся звонко рассмеялась. Одной рукой она схватилась за плечо Макарова, другой — за свой живот.

— Блин, — усмехнулся Максим, качнув головой.

— Ну ты и сказанул — «не совсем придурок», — не переставая улыбаться, хитро прищурила глаза Олеся. — Слушай, а я все хотела спросить, а на фига ты у Варьки анкету спер, а потом сам же ее и подбросил?

— Я... Я ничего не подбрасывал... с чего ты взяла вообще? — отшатнулся Макс, избрав полный недоумение.

Спасла его внезапно прибежавшая Варя, растрепанная и раскрасневшаяся, длинный вязаный шарф был переброшен через плечо и свисал едва ли не до пят.

— Ребят, ребят, — задыхалась она, — кажись, нашли.

Примчались к подвалу двухэтажки. У приоткрытой металлической двери курил Санька.

— Макс, походу, там он, — кивнул на дверь Перепелкин, — я его голос слышал. С ним еще кто-то. Там темень, не видно ни фига...

— Может, Варенцова крикнем? — растерянно предложил Максим.

— Сами справимся, — важно ответил Санька, сплюнул сквозь зубы и выбросил окурочок.

— Мальчики, только осторожней, — сказала Варя.

— Да не б.и, — выпендривался Санька, — пошли, Макс, проверим.

Макаров малодушно согласился спуститься в душный, пахнувший сыростью и нечистотами подвал.

— Черт, не видно ни фига, — ругался Максим, осторожно ступая по крутой лестнице.

Санька чиркнул спичкой. Он медленно шел впереди на сдавленные голоса, оберегая слабый, подрагивающий огонек в ладонях.

В конце узкого коридора мерцала полоска света, голоса становились все громче.

Пригнув головы, Макс и Санька шагнули в небольшое помещение, освещенное тусклой лампочкой, свисающей с потолка на кривом проводе. Повсюду были разбросаны картонные коробки, окурки, смятые сигаретные пачки, пластиковые бутылки и какие-то грязные, дурнопахнущие вещи.

В центре располагалась конструкция из деревянных палет, заменяющая стол. Рядом сидели двое пацанов и, упираясь локтями в палеты, дышали из перепачканных зеленой массой целлофановых пакетов. От запаха клея валило с ног.

На вид мальчишкам было лет по пятнадцать. Перепачканные лица, драные куртки с торчащим пухом, взлохмаченные волосы.

— Вам че здесь надо? — отлипнув от пакета, растягивая слова, проговорил один из них, с кровоточащей ссадиной на щеке. У него были мутные, водянистые глаза.

— Валим, — испуганно бросил Санька и заспешил к выходу, утаскивая за собой Макарова.

— Стоять! Куда дернули?! Стоять!

Спотыкаясь и падая, хватаясь за кирпичные стены, друзья вслепую уносили ноги.

— Нет там Васьки, — отдышавшись, сказал Санька на улице, — пойдемте отсюда.

На автостанции уже собрались почти все одноклассники. Они галдели, окружив уличный стенд с расписанием автобусов.

- Ну как у вас? — спросил Салаев, поигрывая связкой ключей на цепочке.
- Глухо, — развел руками Санька.
- Вот и у нас так же, — вздохнул Ларин.

У шашлычной остановились два автомобиля. Серая тонированная «девятка» и черный джип «опель фронтера». Из «девятки» выбрались трое верзил в кожаных куртках и в спортивных штанах с полосками. Из джипа вышел наголо бритый водитель, следом за ним — пассажир. Это был полноватый невысокий мужчина лет пятидесяти на вид, с седой щетиной, в меховой шапке и длинном коричневом пальто. Один из верзил открыл перед ним дверь в шашлычную. Через мгновение компания скрылась из поля зрения.

- «Комаровские», — восторженно сообщил Перепелкин.

* * *

Ориентировки с плохо пропечатанным лицом Васи были расклеены повсюду.

На помощь милиции пришли волонтеры. Ежедневно они прочесывали город и окрестные поселки, опрашивали местных жителей, но никаких результатов это не давало.

Маргарита Николаевна предложила ученикам навестить Васиных родителей, попытаться хоть как-то их подбодрить и успокоить. Ребята с готовностью откликнулись.

По дороге Салаев закурил.

— Олег, ты хотя бы классного руководителя постеснялся, — пристыдила его Маргарита Николаевна.

- А я что? Я ничего, — ответил Салаев, спрятав сигарету.
- Вот будешь курить — не вырастешь, девочки любить не будут.
- А меня и так любят, — самоуверенно сказал Дон Жопен.

Вошли в подъезд, поднялись на второй этаж. Остановились у обшарпанных дверей квартиры с торчащими, словно тараканьи усы, проводами вместо звонка. Внутри грохотала музыка, звенели бутылки, слышались пьяные возгласы и женский смех.

— Пойдемте, ребят, — подавленно проговорила учительница, так и не постучав в дверь.

* * *

— Ой, знаю я эту семейку, — реагировала на пропажу одноклассника мама Максима, — довели пацана, вот он и удрал. Не от хорошей жизни из дома бегут...

Однако попросила Макарова-старшего встречать сына после школы. Тем более что Максим стал учиться во вторую смену.

Ветеран остервенело колотил в стену.

- Дядя Егор, не шумите, я здесь, — отозвался Максим, скрутив журнал в трубочку.
- Ну как ты там, малец? Что нового? Как с подругой?
- Да пока не знаю, дядь Егор, но кажется, я ей нравлюсь.
- Молодец, пионер! Так держать! Позвал ее на свидание?
- Нет. Дядь Егор, у нас одноклассник пропал.
- Как так — пропал? — откашлялся ветеран.

— А так. Ушел в выходные погулять и не вернулся. Его родители заявление в милицию написали, мы и сами с ребятами его ищем... Наши говорят, что это маньяк... Но мне кажется, что он из-за родителей из дома убежал.

- А что с его родителями?

— Ну, они пьющие. Отец, говорят, на него руку поднимает.
— Поднимает... — помолчав, сказал ветеран, — значит, за дело поднимает, воспитывает, значит. И вообще, какие бы ни были, они — родители, это святое, — повысил голос он, — я вот вообще без мамки и папки вырос, меня тетка воспитала. А так мне не хватало отца и матери, ты и представить не можешь... Так что тут ты, малец, не прав, ну или друганец ваш глупый еще, если на родных зуб заимел. На родителей не гонят. Придет он, никуда не денется. Нагуляется и вернется. Понял?
Максим не ответил.
— Ты что там примолк? Уснул, что ли?
— Ладно, дядя Егор, мне уроки надо делать, — сказал Макаров.
Он поднялся с кровати, расправил журнал и убрал в ящик стола.

* * *

Отец Максима уехал в командировку. По служебным делам его отправили в Ульяновск.

Телефон Макаровым не провели, а идти к соседям и звонить от них по межгороду Наталье Сергеевне было неудобно.

В субботу вечером она собиралась на переговорный пункт.

— Мам, я с тобой пойду, — серьезно проговорил мальчик, — одну тебя никуда не пущу.

— Ой, ну куда ты в такую стужу, — Наталья Сергеевна убрала кошелек в сумочку, подошла к зеркалу и поправила прическу, — сиди дома, я быстро. Туда и обратно.

— Нет, я с тобой, — настаивал Максим.

— О, господи, ну что с тобой поделаешь, — улыбнулась мама и потрепала его по волосам, — собирайся, защитничек.

На улице стремительно темнело. Было ветрено, падающие снежинки, шурша, беспорядочно кружили в свете фонарей.

Идти предстояло довольно далеко. Сначала вниз по улице Трошева до большой гранитной мемориальной доски героям Великой Отечественной войны. Затем пересечь мост и двигаться прямо, до самого почтового отделения с прилегающим к нему переговорным пунктом.

Встречались редкие приподнявшиеся прохожие. Многие из них были навеселе. Максим не выпускал из своей ладони мамину ладонь и, широко шагая, настороженно оглядывался по сторонам.

Смахивая с одежды снег, вошли в переговорную. Там было душновато, гудели яркие флуоресцентные лампы. Вдоль стены располагались сцепки мягких откидных сидений. Одну из тесных, с мутными стеклами кабинок занял крупный мужчина в кожаной шапке с козырьком и распахнутой дубленке.

— Андрюш, Андрюш, — кричал он в трубку, — фрезу взял, нормально, ага. Но, это, Андрюш, алло, цанги там на шесть и на восемь, а мне б двенадцатые, Андрюш, достать...

Наталья Сергеевна подошла к окошку диспетчерской, назвала город, номер телефона и отчитала несколько купюр.

— Распишитесь и ждите, — невозмутимо проговорила телефонистка и придвинула серую квитанцию.

Мать и сын присели на пустующие сиденья.

Мужчина повесил трубку, боком выбрался из кабинки и, застегивая на ходу дубленку, заспешил к выходу.

— Четвертая кабинка, проходим, — прозвенел голос телефонистки.

Наталья Сергеевна говорила минут пять. Все это время Максим стоял рядом, держа в руках мамину сумку на тонком кожаном ремешке.

— Максим, поговоришь с папой? — сказала мать и протянула увесистую черную трубку.

Отец поинтересовался, как дела в школе, много ли нахватал двоек, наказал хорошо себя вести, пообещав привезти за это подарок.

Вышли из переговорной. На улице уже совсем стемнело. Было тихо и пустынно. Даже смолкли гудки автомобилей.

— Ну что, — подмигнула мама, навесив на плечо сумочку, — зайдем в «Юбилейку», купим чего-нибудь вкусенького?

— Холодно, — нарочно пожившись, ответил сын, — лучше сразу домой.

— Ну как знаешь, — недовольно хмыкнула мать.

Когда они проходили по мосту, Максима вдруг что-то заставило обернуться. По противоположной стороне в их направлении шла темная фигура.

— Ноги совсем задубели, пойдем быстрее, — мальчик сильнее сжал мамину ладонь в кожаной перчатке.

Через минуту Максим снова оглянулся и увидел, как таинственная фигура, пересекая проезжую часть, торопливо и уверенно двигалась на них.

Теперь уже мама ускорила шаг, крепче прихватив руку Максима. Она тоже заметила преследователя, но старалась не показывать вида, чтобы не напугать сына. Максим чувствовал, как дрожит ее ладонь.

— Мама, у меня в кармане нож, — хватая губами морозный воздух, проговорил он.

— Поторопись, сынок. И не оглядывайся, — в волнении отвечала мама.

Максим расслышал, как вполголоса она стала читать «Отче наш».

Хруст снега за спиной раздавался все отчетливее, словно тяжелыми ботинками ступали на битое стекло. Мальчику стало страшно, но страшно не за себя — за маму.

Едва не упав, они сбежали с моста по частой заснеженной лестнице. Придерживаясь за шатающиеся перила, человек спускался следом. Он мог легко их настигнуть, но почему-то не делал этого, словно хищник, играющий со своей жертвой, наслаждаясь ее животным страхом.

Максим послушался маму и обернулся: на нем были черная вязаная шапка и камуфляжный бушлат с поднятым воротником, наполовину скрывающим лицо.

— Бежим! — наконец скомандовала мама.

Они рванули со всех ног.

— Помогите! Помогите! — на ходу кричала мать.

К счастью, вскоре заметили узик — «буханку». Машина медленно выехала из-за поворота и уже через мгновение поравнялась с ними.

Протяжно скрипнули тормоза, открылась дверца.

— Эй, соседи, прыгайте, подвезу, — весело крикнул водитель.

— Коленька, вы наш спаситель, — оглядываясь по сторонам, дрожащим голосом проговорила мать, забралась в кабину вслед за сыном и захлопнула дверь.

Они расположились на боковых сиденьях, похожих на полки в вагоне поезда. На полу лежал бур с треснутой пластиковой ручкой, рядом стоял раскрытый рыбацкий ящик с зимними удочками, мормышками и блеснами.

Узик трясло, от стены к стене перекатывалась пустая водочная бутылка.

— Откуда это вы в такую темень? — прикурил сигарету дядя Коля, наполняя салон едким дымом.

Мама не ответила. Она сидела, крепко обняв сына и прикрывая шарфом мокрое от слез лицо.

* * *

От Васи по-прежнему не было никаких вестей...

После уроков Максим с Санькой остались дежурить по классу.

— Сань, тебе полы драить, — сказал Макаров и принялся стирать с доски.

— С фи́га ли баня погорела? — возмутился Перепелкин.

— Вообще-то, я в прошлый раз мыл. Забыл?

— Ну да, ну да, — сдался Санька.

Он достал из кладовки ведро, брезгливо подцепил со швабры ссохшуюся, точно вобла, половую тряпку и вышел из класса.

Вымыв доску, Максим поплескал в горшки с цветами из пожелтевшей пластиковой бутылки.

Через пять минут вернулся Санька.

— Максон, — возбужденно проговорил он, с лязгом задвинув в угол пустое ведро, — у старшаков, походу, дискач намечается. Внизу уже аппаратуру расставили, народ собирается. Погнали, сходим?

— А дежурство? — недоверчиво покосился Макаров.

— Да ладно, — отмахнулся Санька, — подметим для понта и все.

В фойе и вправду было шумно и многолюдно. Школьный диджей Игорь Поляков в белой майке и модной кожаной жилетке поставил кассету «2 Unlimited», покрутил ручки на микшере. Погас свет, феерично зажглись огни светомузыки. Старшеклассницы с пышно начесанными челками, в растянутых балахонах и ярких лосинах стали двигаться в такт музыке, сложив сумочки в центр круга.

Парни угрюмо расселись на подоконниках. Они то и дело вскакивали и куда-то отлучались. Их места тут же занимали другие.

Санька с Максимом тайно выглядывали из-под лестницы, точно диверсанты.

— Зырь, че та бикса вытворяет, — сидя на корточках, указывал пальцем Санька.

Высокая девушка в белой блузке и синих «мальвинах» скакала, как молодая козочка, и трясла длинными распущенными волосами. Часто она теряла равновесие и едва не падала, успевая схватиться за сетку-рабицу, натянутую в оконных проемах гардеробной.

— Блин, да она же пьянущая вдрызг, — захихикал Перепелкин.

Вскоре ее увели физрук и завуч. Они держали ее под руки. Деваха выкрикивала что-то воинственное, вырывалась и сучила ногами.

— И что мы тут делаем, а? — раздался вдруг низкий женский голос.

Это была вахтерша. Она смотрела на ребят сверху, облокотившись о перила.

Друзья торпедой выскочили из-под лестницы. Стараясь перекричать музыку, вахтерша что-то кричала им в спину, размахивая руками, словно дорожный регулировщик.

Вбежали по соседней лестнице на второй этаж и остановились около дверей мужского туалета.

— О, давай тут пересидим, — предложил Санька, — сюда она точно не сунется.

И вошел первым. Макаров — за ним.

Внутри было накурено. Четверо десятиклассников расселись на корточках вдоль кафельной стены. Глубоко затягиваясь, они бережно передавали друг другу зажатую в кулаке папиросу. Еще человек пять стояли рядом и разливали в стаканчики водку. Рыжий доходяга в свободной клетчатой рубашке развел в полуторалитровой бутылке воды пакетик персикового «Инвайта». Остатки порошка он засыпал себе в рот, слотнул и довольно прищурился.

Санька шагнул назад.

— Заходь, пацаны, не липуйте, — заржали сидящие у стены.

— Пошли отсюда, — вполголоса пробормотал Санька.

— Валим, — среагировал Максим.

Оглядываясь, они двигались по коридору. Внизу заиграл медляк. «Un-Break My Heart».

— А знаешь, что они там курили из беломорины? — Перепелкин оставил на стене черную закорючку, шаркнув резиновой подошвой.

- Что?
- План. Наркотик такой.
- Да ладно?
- Угу, от него крыша едет и смешно все становится.
- Ты-то откуда знаешь?

— Да так, рассказывали, — нехотя ответил Перепелкин.

В конце коридора послышался девичий визг. Затем кто-то басовито прокричал:

— Пацаны, пацаны, гоните сюда, «луневские» приехали!

Галдящие подростки затопали вниз по лестнице.

— Махач наклеивается, — причмокнув, резюмировал Санька, — такое нельзя пропустить.

Пинком распахивая хлипкую входную дверь, в холл врвались десятки чужаков из поселка Луневск.

— Пацы, га си их! — командовали старшеклассники.

Вокруг творилось невообразимое.

Девчонки верещали и в панике разбежались в разные стороны. Кто-то успел спрятаться за колонкой. Кому-то удалось забраться под застеленный коричнево-красной тканью стол с диджейской аппаратурой. Парни бились стенка на стенку. В давке они с трудом могли отличить своих от чужих. Раздавались отчаянные вопли и мат. Рыжеволосого доходягу повалили на пол и принялись избивать ногами. К нему на выручку поспешили сразу человек пятнадцать однокашников. Ошалевшая, растрепанная завуч пыталась остановить побоище, самоотверженно бросившись в толпу. До смерти перепуганный физрук помчался в учительскую вызывать милицию.

Максим и Санька прятались за умывальниками.

— Вот это мочилово, — восхищался Санька, — прям как в кино американском!

— Пойдем отсюда, как бы чего не вышло, — трусливо отвечал Макаров.

— Ты че! Ни за что!

Осторожно приподнявшись, Максим увидел совсем рядом Рому Чиндяйкина. У него была разбита губа. Одной рукой он удерживал своего противника за шиворот, другой наносил размашистые удары.

Мальчишек все же заметили. Двое «луневских»: один высокий, крепкий, в джинсовой куртке на меху, второй, как ни странно, налегке — спортивный костюм, лыжная шапочка.

Они подбежали к Саньке и Максиму.

— О-ба-на, щас и щенки отхватят! — бугай поднял Макарова за грудки, будто выжимал штангу.

«Лыжник» схватил Саньку за ухо, дергая вверх-вниз.

— Пусти, урод, больно! — взвыл Перепелкин.

Разбежавшись, Чиндяйкин ударил «лыжника» ногой в спину. Запрокинув голову, как тряпичная кукла, он отлетел к подоконникам.

— Ты че, с..., попутал?! — проревел бугай.

У него была массивная, выдающаяся вперед нижняя челюсть. Он отпустил Максима и стал угрожающе наступать на Рому. Ловко отпрыгнув, носком ботинка Рома ткнул его под коленную чашечку.

— А-а-а-о-ы, — повалился на бок детина, обхватив колено ладонями.

— Пацаны, где куртки ваши? — спросил Чиндяйкин шестиклассников.

— Там, в кабинете, — дотронувшись до пылающего уха, ответил Санька.

— Бегом, я вас выведу!

Одевшись, они шагали за своим спасителем через столовую к запасному выходу. Рома то и дело смахивал кровь с разбитой губы. Максим протянул ему носовой пла-

ток, хулиган отрицательно покачал головой. Уборщица в синем халате и с черным гробешком в седых волосах усердно орудовала шваброй под составленными в ряд столами. Санька с Максимом замедлили шаг.

— Не с..те, она глухонемая, — объяснил Рома.

Уборщица проводила их беспомощным взглядом.

Вошли в кухню. Повсюду громоздились большие алюминиевые кастрюли с небрежными красными надписями «Шк № 1».

Рома с усилием приоткрыл занесенную снегом дверь:

— Давайте шуруйте.

— Спасибо, — сказал Макаров.

— Должны будете, — усмехнулся Рома.

На другом конце школы, у входа, в свете фонарей началось какое-то движение. Кричащая и улюлюкающая орда школьников гнала «луневских» по хорошо расчищенной, но крайне узкой дорожке. Удирающие теснились, спотыкались и падали. Толкая друг друга, они утопали по пояс в снегу, как французы под Москвой. Среди них, опираясь на плечи своих приятелей, ковылял двухметровый амбал с отбитым коленом.

Перепелкин и Макаров направились к автобусной остановке.

— Мда-а, Максон, если бы не Рома, огребли бы мы с тобой по полной. Считай, что еще легко отделались, — закурил Санька.

— Серьезно, да? — ядовито ответил Максим. — А чья была идея туда идти? Из-за тебя мы чуть не огребли.

— Да ладно, зато в понедельник всем в классе расскажем — героями будем, все обзавидуются, ты че. С Олеськой гулять начнешь.

Максим промолчал.

— Макс, смотри, там не твой отец идет? — спросил Санька.

— Блин, совсем забыл, он же меня встретить хотел.

Санька выбросил недокуренную сигарету в сугроб у покосившегося деревянного забора.

Навстречу им неторопливо двигался подполковник. В военной форме и с толстой кожаной папкой под мышкой.

— Ну что, орлы, как дела? — подойдя ближе, весело спросил он.

— Во, — показал большой палец Санька.

* * *

На перемене к Макарову подошла Олеся:

— Привет, Макс.

От нее доносился сладкий аромат духов. Максиму с трудом удалось взять себя в руки и не растаять.

— Привет, — ответил он.

— Слушай, — она коснулась его плеча, — у меня в эту субботу дняха. Придешь?

— А-а-а... это... кто еще будет? — растерянно произнес он.

— Не бойся, ты всех знаешь, — улыбнулась новенькая.

— А Санька? Санька Перепелкин будет?

— Ну куда же без него, — рассмеялась Олеся.

— Это да, — невпопад брякнул Макаров.

— Ну, в общем, в субботу в четыре я тебя жду. Набережная, девять, квартира семнадцать.

Олеся упорхнула. Максим чуть не умер от счастья.

— Друган, дай пять! — протянул ладонь он проходившему мимо пятиклашке.

Тот пугливо отшатнулся.

— Эх ты, — махнул рукой Макаров.

Вечером он выклянчил у отца деньги на подарок.

— Если к девчонке идешь — купи цветы, — посоветовал Виктор Павлович.

— Да нет, па, у Варенцова днюха, — соврал Максим.

Он ушел в свою комнату, переоделся, лег на кровать и стал размышлять, что подарить Олесе. На ум ничего толкового не приходило. Максим поднялся, свернул в трубочку журнал. Сосед за стеной не отзывался. Максим прислушался. В комнате ветерана было тихо.

На следующий день, еле отсидев пять уроков, он помчался по магазинам. Хотя выбор был невелик: Дом быта и универсам.

После нескольких часов блужданий меж лотков со всяческой бижутерией, сверкающей и пошлой, он набрел на отдел игрушек. Долго не мог решить, что лучше: плюшевый львенок в матроске и тельняшке или мишка, держащий в лапах сердечко, обшитое красным бархатом.

Красиво упакованный потапыч перекочевал с пыльной витрины в рюкзак Макарова.

В субботу к трем часам дня Максим был готов. Он надел белую с короткими рукавами рубашку и новые голубые джинсы. Перед зеркалом в ванной зачесал свою челочку набок подслащенной водой. Затем украдкой пшикнулся отцовскими духами. Прихватив рюкзак с подарком, оделся, попрощался с родителями и вышел из дома. По дороге встретился с Санькой.

Уже через пятнадцать минут они звонили в квартиру Олеси.

— Что подарить-то ей? — ехидно спросил Перепелкин.

— Да так, медведя плюшевого, — старался как можно развязней ответить Максим. — А ты?

— Че прикалываешься? Лучший подарок — это я сам.

Дверь открыла мама именинницы. Стройная, миниатюрная, с русыми волосами под каре. Она выглядела значительно моложе своих лет.

— Ребят, давайте раздевайтесь и проходите в комнату, уже все собрались, — улыбаясь, сказала она и убежала на кухню, откуда шел приятный запах выпечки.

В коридоре был завал детской обуви. Модные кроссовки Салаева стояли вплотную с сапожками Олеси.

«И этот здесь», — Максим ревниво отшвырнул кроссовки в сторону.

Посреди комнаты расположился длинный, заставленный угощениями стол. За ним сидели одноклассники. Их было человек семь. Они громко разговаривали, перебивая друг друга. Гости были так увлечены, что не заметили Максима и Саньку.

Макаров с интересом осмотрел комнату. К потолку прилипли разноцветные шаррики со свисающими бумажными ленточками. Стены сплошь обклеены постерами из журналов «Cool». Книжная полка с классикой и несколько рядов детской энциклопедии «Я познаю мир». Высокий шифоньер, на котором пылилась гитара. Письменный стол со стопками учебников и горой подарков. Максим увидел дартс, о котором давно мечтал. На тумбе большой японский телевизор, в углу синтезатор на стойке, пластиковые цепочки в дверном проеме.

— Ребят, привет! — подбежала именинница.

На ней было зеленое кружевное платье. На тонком запястье блестели позолоченные часики. Пахнущие шампунем распущенные волосы присыпаны блестками.

Она чмокнула в щеку сначала Макса, потом Саньку:

— Садитесь на диван, там вроде есть местечко.

— Олесь, подожди, — отвел ее в сторону Макаров. Торопливо расстегнул рюкзак и протянул медведя. — Вот, это тебе. С днем рождения.

— Прикольно, спасибо, — Олеся равнодушно повертела в руках подарок и бросила в общую кучу на стол.

— Эй, влюбленные, — крикнул Салаев, жонглируя мандаринами, — ну вы там долго?

— Заткнись! — оскалился Максим.

— Щас ты заткнешься, дятел!

— Ребят, не ссорьтесь, — уплетала бутерброды Варя Батт.

Мама принесла поднос с горячим.

— Ой, а давайте я вам помогу, — жуя, вскочила Батт и стала перемещать тарелки с подноса на стол.

— Спасибо, Варечка.

— Ой-ой-ой, помощница, — дразнила Олеся.

— А что это вы без музыки сидите, молодежь? — спросила мать.

— Мам, ну иди уже, а, — раздраженно сказала именинница, — без тебя разберемся.

Мама удалилась, позвякивая пластиковыми занавесками.

— Лесь, а в самом деле, — сказал Ларин.

— Центр вон стоит, включай, если хочешь, — равнодушно пожала плечами именинница.

Тимур поставил кассету. Сборник «The Best from the West».

— Опять эта иностранщина, — недовольно загудела Синецына.

— Нормально все, — сказал Салаев, устраиваясь на мягком подлокотнике кресла рядом с Олесей, — а Газманова своего дома слушай.

Все расхохотались, Синецына показала Дону Жопену средний палец.

На торте «Медовик» зажгли тринадцать свечей. После долгих препираний («что я, маленькая, что ли?!») Олеся все же согласилась их задуть.

Потом играли в «крокодила». Салаев мстительно загадал Макарову изобразить козла. Ребята катались от смеха, когда Максим, приложив руку к подбородку и, шевеля пальцами, соорудил козлиную бородку.

Громко играла музыка, школьники прыгали и размахивали руками так, что сотрясалась мебель. Санька неуклюже пытался исполнить лунную походку Джексона. Ларин и Воронцов упражнялись в забегке брейк-данс. Пританцовывая, Варя касалась клавиш неподключенного синтезатора, делая вид, что виртуозно музицирует.

Максим вышел в туалет. В конце коридора, рядом с кухней, в полумраке стояли Салаев и Олеся. Они целовались. Обняв за талию, Олег прижимал девочку к стене. Макаров громко откашлялся. Парочка зашушукалась, потом засмеялась. Максим вошел в совмещенной с ванной туалет и заперся на щеколду. Отвернул кран с холодной водой. Стоял перед зеркалом, опираясь руками о раковину. И вдруг разрыдался. Комок обиды застрял в горле.

— Шлюха! — выкрикнул он и харкнул в зеркало.

Наспех собрался и выбежал из квартиры, отчаянно хлопнув дверью.

* * *

Слухи о маньяке поутихли. Конечно, еще можно было услышать редкие новости, и новости эти были одна фантастичнее другой. К примеру: в городе орудует не один, а целая банда маньяков. И служат они в милиции, поэтому их так долго не могут поймать. А кто-то уверял, что это оборотень и выходит он на охоту только в полнолуние.

Однажды Максим возвращался из школы домой. Поднялся по лестнице на площадку и в следующее мгновение оторопел. К стене, слева от квартиры ветерана, была приклонена крышка гроба, обшитая красной тканью...

Хоронили дядю Егора спустя два дня.

Народу было немного. В ожидании выноса тела собрались возле подъезда.

Некоторые из присутствующих держали в руках гвоздики, обернутые газетой. Двое сослуживцев принесли венки. Пазик с военным квартетом (барабанщик, трое духовых) и пятью солдатами был припаркован неподалеку.

Скорбящие негромко переговаривались.

— От чего он хоть помер-то? Ведь не старый еще, — шептались соседские бабули.

— Да пил он. Зять ему каждый день бутылку таскал, сама видала. Как в магазин ни приду, он водку берет или «Рояль». Сам-то не пьет, а тестя спаивал.

— Вот дочка с зятем его и уморили. Точно-точно. Мешал он им, жилплощадь занимал...

— Чего раскудахтались, старые дуры?! «Уморили — не уморили», — вмешался пьяненький старикан в фуфайке, ватных штанах и унтах, — от тоски он умер, вот что. Не нужен был никому.

— Иди отсюда, пьяный черт. Налакался с утра и разглагольствует.

Дед брезгливо сплюнул, махнул рукой и отошел в сторону.

Медленно подъехал похоронный автобус. Водитель закурил, пуская дым в приоткрытое окно. Четверо солдат в бушлатах с поднятыми воротниками молодежато выскочили из пазика и юркнули в подъезд.

— Господи, помилуй, — вдохнула и перекрестилась пожилая соседка в каракулевой шапке.

Осторожно ступая по лестнице, служивые вынесли гроб.

Следом спускался зять, придерживая под руку дочку ветерана, заплаканную, в черном платке и наброшенной на плечи дубленке.

Водитель докурил, вышел из автобуса и открыл багажный отсек.

Максим шагнул ближе.

На усопшем была песочного цвета форма с медалью «За отвагу» на правом кармане, под формой виднелась десантная тельняшка. Руки ветерана были вытянуты по швам. Ссохшееся серое лицо старика, залысины, редкие, с легкой проседью волосы зачесаны назад.

Максим видел дядю Егора впервые. Разговаривая с ним через стену, он рисовал в воображении крепкого, мускулистого мужчину с армейской татуировкой на плече. У него было смуглое волевое лицо с мелкими морщинками вокруг глаз, и еще он носил усы подковой.

Макарову стало обидно и больно, словно потерял близкого человека. Максим прошептал:

— Прощайте, дядя Егор, мне будет вас не хватать.

Едва сдерживая слезы, мальчик побрел домой. Немного передохнув, солдаты задвинули гроб в багажник. Скорбящие неторопливо поднимались в салон и рассаживались по местам.

— Мам, когда мы уже отсюда уедем? — сидя на пуфике в коридоре, Максим стаскивал с ног «аляски».

Наталья Сергеевна ничего не ответила, только тяжело вздохнула.

* * *

По-настоящему весна пришла только в середине апреля. Ярко светило солнце. Серые холмики снега оседали и съеживались буквально на глазах. Вниз по улицам стремились шумные ручьи.

Горожане спешили сбросить с себя надоевшие пуховики, дубленки, шубы и переодеться в легкие курточки или демисезонные пальто.

Малышня в резиновых сапогах высыпала на улицу и пускала кораблики, сооруженные из спичечных коробков или других подручных материалов.

В выходные многие выбирались на пикник. Жарили шашлык и пили пиво. Излюбленным местом была поляна у подножия скал «Три богатыря». Вид там открывался живописный. Скалы, бушующая горная река и молодая, только-только пробившаяся травка под ногами. И самое главное — воздух. Пьянящий, чистый, по-весеннему свежий...

Однако для подполковника Макарова это были непростые времена. Уже две недели, как начался призыв. Виктор Павлович возвращался со службы нервный и раздражительный. На расспросы супруги лишь отмахивался:

— Все в порядке. Не бери в голову.

Молча ужинал, затем сел в кресло перед телевизором и очень скоро засыпал.

* * *

Пропали две пятиклассницы. В школе отменили урок физкультуры, и подружки, не дожидаясь родителей, которые должны были их встретить, отправились домой одни. Больше их не видели.

По телевизору показали репортаж. Школьницы десяти лет, лучшие подружки, у обеих светлые волосы, заплетенные в косички, внешне очень похожи, словно сестры. На фото они улыбались и держались за руки. Упомянули и Васю Пьянкова. Круглое лицо в веснушках, пухлые губы, взгляд исподлобья. Были и другие пропавшие дети, на вид не больше пятнадцати лет, все они жили в разных поселках, недалеко от Ивделя.

С экрана к жителям обратился начальник областного УВД. Тучный, с обвисшими щеками и маленькими, едва различимыми глазками. Он призывал граждан к бдительности и сообщил, что активно ведутся оперативно-розыскные мероприятия.

У здания городской администрации собрались ивдельчане. Они принесли транспаранты с надписями: «Остановите изверга!», «Спасите наших детей!», «Кто нас защитит?!».

Сначала вразнобой, затем дружно многочисленная толпа начала скандировать:

«Мэ-ра! Мэ-ра! Мэ-ра!»

Минут через десять, окруженный свитой хмурых людей в деловых костюмах, вышел градоначальник. Это был высокий, худощавый мужчина лет пятидесяти пяти, с седыми бачками и острым носом. Редкие волосы на голове лохматил сильный ветер.

— Дорогие граждане, — заговорил он, — прошу вас, сохраняйте спокойствие. Наши органы не сидят сложа руки, привлечены отряды волонтеров, и еще, — откашлялся мэр, — на этой неделе из Свердловска прибывает следственная группа, которая и займется расследованием этого дела.

— Вранье! — выкрикивали из толпы. — Когда все это кончится?! Когда поймаете эту мразь?!

Мэр развернулся на каблучках ботинок и зашел в здание. «Хмурые костюмы» — за ним.

Люди еще немного помитинговали и разбрелись, побросав транспаранты на сырой асфальт.

* * *

Однажды отец пришел с работы, изрядно приняв на грудь. Не переодевшись и отказавшись от ужина, он закрылся на кухне. Распахнул форточку и курил одну за другой, хотя избавился от вредной привычки много лет назад. Затем подполковник достал из холодильника недопитую бутылку водки, налил полстакана и махнул, занюхав рукавом форменной рубашки.

Мать в это время передвигалась по квартире на цыпочках и старалась разговаривать вполголоса.

— Не ходи на кухню, — шипела на Максима, — не мешай отцу.

— Да я только воды попить, — оправдывался мальчик.

— Ничего, потерпишь, — отвечала мама, подсматривая сквозь дверную щель.

Наконец Наталья Сергеевна приоткрыла дверь и вошла в кухню.

У подполковника было уставшее, раскрасневшееся лицо, на лбу проступала испарина. Он сидел, уперев локти в стол, и смотрел в одну точку, прямо перед собой. В чайном блюде дымилась недокуренная сигарета.

Глава семейства налил еще полстакана.

— Витя, да расскажи ты, ради бога, что случилось? — обеспокоенно спросила жена, присаживаясь рядом.

Подполковник сонно глянул на нее и отодвинул стакан.

— Идем спать, — невнятно пробормотал он.

Наталья Сергеевна помогла ему подняться.

В субботу вечером раздался звонок в дверь. Мама посмотрела в глазок.

— Кто там? — вкрадчиво спросила она.

— Открывай, хозяйка, свои, — ответили хриловатым басом.

— Вить, иди посмотри, — трусливо отступила Наталья Сергеевна.

— Ну что там еще? — неохотно проговорил отец и, повернув в замке ключ, открыл дверь.

На пороге стоял Слава Комар. На нем были черные джинсы, черная рубашка и рокерская «косуха». Трехдневная седая щетина, шрам над бровью, взгляд с прищуром. От бандита крепко пахло духами. В одной руке визитер держал бутылку армянского коньяка, в другой огромную коробку конфет.

Позади Комара возвышался амбал в черной кожаной куртке, спортивном костюме и белых кроссовках. Фаланги его пальцев были разрисованы синими перстнями.

— Гостей принимаете? — жуя жвачку, растянулся в улыбке Комар.

— Что надо? — неприветливо ответил Виктор Павлович.

Наталья Сергеевна выглядывала из-за плеча супруга.

— Где же твое гостеприимство, подполковник?

Макаров набросил бушлат и шагнул в подъезд. Наталья Сергеевна прижалась ухом к двери.

— Мам, а кто там? — вышел в коридор Максим.

— Марш в свою комнату и не высовывайся, — нервно замахала руками она.

Из подъезда доносились приглушенные голоса.

— Может, все-таки в хату пройдем? — сказал Комар.

— Нет, давай тут.

— Ну-ка поддержи, — авторитет протянул коньяк и конфеты охраннику. — Ну так что по моему вопросу порешаем, подполковник? — он выбил из пачки сигарету, щелкнул зажигалкой.

— Я тебе в прошлый раз все сказал. Будет служить твой отпрыск, как и все.

— Нет, вот че ты уперся, а?! — сказал бандит, выпустив носом дым. — Тебе больше всех надо, что ли? Денег мало? Скажи сколько, я добавлю. Или че,дох..а богатый?

— Не бедный.

— Ну ты, конечно, кремень, — рассмеялся Комар, — вы как вообще выживаете, такие принципиальные?

— У тебя все?

— Слушай, я и без тебя все мог бы разрулить, это как два пальца об асфальт. Просто больших людей по пустыкам неохота напрягать...

— Аудиенция закончена, — сказал Макаров.
Развернулся и вошел в квартиру. Жена еле успела отскочить в сторону.
Комар усмехнулся и выстрелил окурком в захлопнувшуюся дверь.
— Вить, что этому подонку было нужно от тебя? — допытывалась супруга.
— Не лезь не в свое дело, — резко ответил подполковник.
Выходной Максим провел дома. Лежал на кровати, смотрел в потолок.
— Сынок, — вошла в комнату мама, а ты чего это весь день валяешься? Ты, часом, не заболел? — она присела рядом и потрогала его лоб.
— Нет, мам, я просто... Настроения что-то нет.
— А что случилось?
— Да ничего, мам, не случилось.
— Ну, хорошо, отдыхай, не буду тебе мешать. Если что-то будет нужно, скажи.
— Хорошо, ма.

Наталья Сергеевна поднялась и вышла.

Через какое-то время Максим встал с кровати и прошел на кухню. Налил из графина воды. Выпил залпом. Глянул в окно. Стоял солнечный день, но детей во дворе не было, не было даже бабушек на лавочках. Город жил в страхе.

Максим вернулся в комнату. Шагнул к книжной полке. Наугад вытянул томик в мягкой глянцевой обложке.

«Э. Сетон-Томпсон. „Рассказы о животных“», — прочел он.

С книгой в руках прилег на кровать. И увлекся так, что не заметил, как настал вечер.

* * *

Отец задерживался со службы. Обычно он возвращался в половине шестого, стрелки часов приближались к девяти вечера.

Мама не находила себе места. Оббегала ближайшие дворы, поднялась к соседям и позвонила в военкомат, милицию и «Скорую». Безрезультатно.

Едва не выронив трубку из рук, она разрыдалась.

— Давайте на машине по городу поездим, поищем, — предложил дядя Коля и протянул носовой платок.

— Если вас не затруднит, Николай. Огромное вам спасибо, — высморкалась мама.

— Пустяки. И не переживайте вы так, найдем, — подбодрил он.

Позвякивая ключами, сосед отправился заводить свой уазик.

Объехали весь город, даже успели прочесать окрестные поселки.

— Посмотрите, там не он? — то и дело повторял дядя Коля.

Наталья Сергеевна хлюпала носом и отрицательно качала головой.

Возвратились за полночь ни с чем.

Всю ночь мама проплакала на кухне. Максим не отходил от нее ни на минуту.

— Иди спать, сынок, в школу проспий.

— Мам, ну какая школа?!

Утром прибежала соседка. Она долго звонила и барабанила в дверь. Мать и сын спали за столом.

— Наташ! Наташ, — кричала соседка, — нашелся! В больнице он, в Первой городской, мне сейчас по телефону звонили.

— Господи Боже мой! — спешно собиралась мама, плохо сообщая.

Наталья Сергеевна и Максим примчались в больницу. Там было прохладно и, несмотря на ранний час, многолюдно. Резко пахло медикаментами. По холлу то и дело с озабоченным видом сновали врачи и медсестры.

— Реанимация на третьем этаже, — подсказали из окошка регистратуры.

Они торопливо поднялись по лестнице и оказались у высоких белых дверей со звонком справа. Внутри Макаровых не пропустили.

— Родственники? — спросил врач, высокий, полный, с седыми усами и в роговых очках.

— Да, — кивнула мама.

— Пройдемте в мой кабинет, — доктор отпер дверь ключом и пропустил Макаровых вперед.

Сел за стол и жестом указал на два стула рядом:

— Присаживайтесь.

Доктор рассказал о том, что Виктора Павловича привезли рано утром сотрудники ППС. С глубокой кровотокашей раной на затылке его нашли на пустыре за котельной, в другом конце города. Диагностировав «подозрение на перелом основания черепа», подполковника отправили в реанимацию.

— Состояние тяжелое, — поправил очки доктор, — шансов — пятьдесят на пятьдесят. Но мы делаем все возможное...

Мама расплакалась. Максим обнял ее за плечи.

— Вы не волнуйтесь, он мужчина крепкий, выкарабкается... Сейчас, извините, мне работать надо.

На следующий день к Наталье Сергеевне пришли из милиции. Она подробно, стараясь не упускать мельчайших деталей, рассказала девушке-дознавателю о недавнем визите Комара. Дознаватель составила протокол. Макарова написала заявление.

Спустя неделю подполковника перевели из реанимации в отделение нейрохирургии, располагавшееся этажом ниже. Кроме Виктора Павловича, в палате находилось еще четыре человека. Таджик-строитель, перебинтованный с ног до головы, точно мумия. Алкоголик с пробитой головой и страшной гематомой под глазом. Браток в майке-борцовке и клетчатых шортах и совсем юный паренек после автоаварии.

Наталья Сергеевна была готова дежурить у койки мужа сутки напролет — не позволяли врачи. Жаловались соседи по палате, они смущались молодой, эффективной женщины. Тем не менее супруга навещала подполковника ежедневно. Как только ни упрасивал Максим взять его с собой, мама была непоколебима.

— Вот будет папе лучше, и сходишь, — обещала она.

Не хотелось ей, чтобы сын видел отца в таком состоянии.

Виктор Павлович никого не узнавал, бредил, медсестры выносили за ним «утку», меняли окровавленные повязки на голове. Врачи говорили, что он кричал по ночам и звал кого-то на помощь. У подполковника было какое-то детское, беспомощное выражение лица и глаза, полные грусти. Жена приносила из дома еду и кормила больного с ложки. Каждые два дня сбривала ему колючую щетину одноразовым станком.

Прошло два месяца. Глава семейства шел на поправку. Теперь он сам, конечно не без помощи жены или санитарок, мог сходить в туалет. На пару с Максимом, у которого были летние каникулы, они уплетали фрукты и играли в морской бой.

В один из дней больного навестил следователь и задал несколько вопросов. Подполковник ответил, что ничего не помнит, ни про нападение, ни про Комара. Может, действительно не помнил, а может, и соврал, понимая, что бандита с его связями все равно отмажут.

Следователь вздохнул, как показалось, с облегчением. Пожелал скорейшего выздоровления и ушел, оставив на всякий случай визитку с номером телефона.

В августе Виктора Павловича перевели из стационара на амбулаторное лечение. Ему было предписано принимать лекарства дома и наблюдаться у невролога.

До больницы Наталью Сергеевну и Максима подбросил сослуживец Виктора Павловича, веселый и говорливый капитан Алексеенко. Вся дорогу он травил анекдоты

и сам же залиvisto хохотал. Капитан подкатил свою бежевую «шестерку» к дверям приемного покоя. Рядом на лавочках, под кустами сирени, курили пациенты.

Жмурясь от солнца, подполковник вышел на крыльцо. Он выглядел сильно поху-девшим и осунувшимся.

— Здравия желаю, товарищ подполковник! — широко улыбаясь, козырнул Алексеенко.

— Вольно! — в ответ улыбнулся Виктор Павлович и, поправив на плече лямку спортивной сумки, протянул ладонь.

— Карета подана, — проговорил капитан, — прошу в мой лимузин.

— Мы, пожалуй, прогуляемся, да? — подмигнул он супруге и сыну. — А тебе, капитан, большое спасибо за то, что встретил.

— Да не за что, — ответил Алексеенко. — Поскорее выздоравливайте, и ждем вас на службу.

Макаровы неспешно отправились домой. По дороге подполковник то и дело сворачивал не в ту сторону, ему было трудно ориентироваться. Супруга тактично направляла его, едва заметно поддерживая под руку.

Вошли в подъезд. Поднимаясь по лестнице, Наталья Сергеевна проверила почтовый ящик. Внутри оказалось письмо. В верхнем углу конверта был виден милицейский штамп. Мама бросила конверт в сумку. А уже дома прочла. Это был «отказ в возбуждении уголовного дела за отсутствием состава преступления».

— Твари, — выругалась Макарова, разорвала бумагу и выбросила в мусорное ведро.

* * *

Уже второй год Макаровы жили в Нижнем Новгороде. Отец уволился со службы, сначала устроился начальником охраны на завод, но очень быстро дорос до замдиректора. Мама преподавала русский язык и литературу в гимназии с английским уклоном. Максим перешел в одиннадцатый класс и на будущий год планировал поступать в Политех. Теперь это был высокий, уверенный в себе, широкоплечий юноша, любимец девчонок. От прежнего застенчивого, нелепого мальчугана не осталось и следа.

Как-то вечером отец, переключая каналы телевизора, наткнулся на программу «Криминальная Россия». Звучала тревожная музыка, от которой становилось не по себе.

— Наташ, — крикнул он, — иди сюда.

Супруга в фартуке и с наброшенным на плечо полотенцем вошла в зал.

— Узнаешь родные места? — кивнул на экран Виктор Павлович.

— Ну-ка, ну-ка сделай звук погромче, — она присела на диван и, не отрывая взгляда от телевизора, вытерла руки полотенцем.

В Ивделе поймали серийного убийцу. Шел следственный эксперимент. Транслировали черно-белые кадры оперативной съемки. На видео был человек, пристегнутый наручниками к запястью одного из милиционеров. Бутафорским картонным ножом он демонстрировал на манекене, как наносил удары в живот и шею...

Вернулся с подготовительных курсов Максим. Разделся, бросив сумку в коридоре.

— Макс, — позвал отец, — бегом сюда!

Камера крупно взяла лицо маньяка. У него были затравленные, бегающие глаза и заросшие щетиной широкие скулы. Макаровы на несколько секунд в удивлении замерли. Они узнали своего соседа дядю Колю. Программа прервалась рекламной заставкой...